

С.И. Руденко

Второй Пазырыкский курган.

Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение // Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1948. 64 с. + XXIX табл.

Оглавление

Введение. — 3

Экспедиция 1947 г. — 6

Устройство кургана. — 7

Обледенение погребения. — 8

Конское захоронение. — 10

Погребальная камера. — 18

Домашняя утварь и посуда. — 20

Кожаные и меховые изделия. — 27

Ткани. — 32

Одежда. — 35

Принадлежности туалета. — 42

Предметы искусства ритуально-культового значения. — 44

Физические особенности погребённых. — 53

Общие выводы. — 56

Примечания— 61

[Рисунки и таблицы.]

Введение.

Величайшие в мире степные пространства, простирающиеся от Карпат на западе до Памира и Алтая на востоке, верховья р. Енисея и Забайкальские степи, уже на заре истории нашей великой страны отмечены не только единством природных условий, но и единством культуры племён, их населявших. Единство это определялось: 1) общностью хозяйственного быта, характерного для той стадии культурного развития, на которой две с лишним тысячи лет назад пребывало население страны; 2) подвижным образом жизни и 3) интенсивными связями на обширных равнинных пространствах.

Быт этот, известный нам по ярким и образным описаниям Геродота и Псевдо-Гиппократов, не был всё же вполне однородным. Не говоря уже об отмеченном Геродотом делении скифских племён запада на осёдлых земледельцев и кочевых скотоводов, племена открытых степей востока и замкнутых горных долин Тяньшаня или Алтая должны были так или иначе приспосабливаться к естественным условиям окружающей их среды, что, в свою очередь, накладывало определённый отпечаток на их быт и порождало местные своеобразные особенности их культуры.

Вместе с тем, археологические данные свидетельствуют о том, что жизнь всех этих «скифских» племён не замыкалась внутри отдельных племенных союзов.

Международный обмен в эту эпоху был очень оживлённым. На западе сношения с Грецией осуществлялись через её причерноморские колонии. На юге скифы входили в непосредственные сношения с цветущими в те времена центрами, Бактрией и Согдианой, где скрещивались пути, ведущие на запад и юг, в Персию и Индию, а на востоке — в Центральную Азию. Южно-скифские племена (массагеты и саки) неоднократно принимали участие в междоусобных войнах того времени в Передней и Малой Азии, а также на Балканах. Известны скифские походы в Закавказье и вхождение части скифских племён в одну из сатрапий Персидской державы. На север же, по мощным водным артериям Западной Сибири, общение

скифов с таёжными звероловами простиралось вплоть до полярного круга.

Вытекающие отсюда взаимосвязи между скифскими и соседящими с ними нескифскими племенами не были односторонними и накладывали свой местный отпечаток на культуру каждого из этих племён.

Особый интерес в этом плане представляет культура племён Алтая. Крайнее положение этой горной страны, вдали от передовых культурных центров того времени, но по соседству с менее культурными охотничьими племенами севера, при исключительных природных богатствах, при оживлённых сношениях с севером и, более того, с югом, способствовало и развитию культуры, и процветанию населения Алтая рассматриваемого времени.

Горная область Алтая, с предельными абсолютными высотами от 450 до 4600 м, богата степными долинами и открытыми южными склонами с обширными луговыми пространствами, достаточными для прокорма сотен тысяч голов скота. Развитию там скотоводства благоприятствовало и расположение обширных нагорных плато в субальпийском поясе с его богатейшими горными лугами. Всё же полынно-злаковые степи, с их степною богатою солями растительностью, выгодно отличались от пресных кормов лесных или субальпийских лугов, являясь главными урочищами скотоводства. Кроме того, так как зимой степи почти не имеют снежного покрова, скот там в течение круглого года мог пастись на подножном корму. Поэтому как в настоящее время, так и в древности, горные степи Алтая были густо заселены скотоводческими племенами.

С другой стороны, Алтай издревле славился богатством своих охотничьих промысловых угодий и ценностью добываемых животных. Прежде всего соболь, затем выдра, благородный и северный олень, лось, архар и горный козёл, кабарга, рысь и многие другие звери и птицы всегда в изобилии водились на Алтае.

Наконец, Алтай искони известен богатством ценными металлами и в первую очередь золотом. Недаром Аристей Проконнесский называл «стерегущими золото грифами» алтайцев, проживавших между аримаспами и «простирающимися до моря» гиперборейями. С Алтая золото потоком шло на юго-запад, где оно в изобилии отмечено Геродотом у массагетов, и позднее — на юг, в Бактрию.

Это изобилие ценных металлов, особенно золота, в скифских могилах было непреодолимой побудительной причиной к их разграблению. Знаменитое Эрмитажное собрание «скифо-сибирского золота» является лишь ничтожною частью тех, поистине сказочных, сокровищ, которое таились в древних погребениях. Ограбление курганов скифской поры в Западной Сибири, Казахстане и на Алтае велось столь методично и повсеместно, что в настоящее время среди сотен и тысяч известных нам больших и, следовательно, богатых курганов трудно сыскать хотя бы один непо потревоженный.

На Алтае курганы скифской поры выделяются своеобразным устройством погребального сооружения и надмогильной насыпи. В отличие от собственно скифских курганов, алтайские прикрыты сверху каменной

наброской. В условиях высокогорной страны умеренных широт этой наброской обусловлен своеобразный гидро-физический режим и, как результат его, образование вековой курганной мерзлоты.

Известны результаты раскопок 1865 г. В.В. Радлова, когда в больших Катандинском и Берельском курганах, оказавшихся промёрзшими почти до дна, он нашёл замечательные вещи, которые в иных условиях не сохранились бы до наших дней. Тем не менее, прошло свыше шестидесяти лет, пока в 1927 и 1929 гг. были раскопаны подобные же курганы в долинах рек Урсула и Улагана. Несмотря на выдающиеся научные результаты и этих раскопок, прошло ещё двадцать лет, пока раскопки алтайских курганов с вековой мерзлотой возобновились.

Причина такого, казалось бы, равнодушного отношения к изучению этих, едва ли не единственных в мире по своему состоянию, памятников объясняется особо сложными и необычными в археологической практике условиями работ в вечной мерзлоте и заведомой разграбленностью курганов, когда неизвестно, в какой мере затраченный труд будет оправдан полученными результатами. При раскопках 1929 г. в Улагане оказалось, что грабителями из погребальной камеры были похищены не только изделия из ценных металлов, но и все её содержимое, вплоть до тела погребённого. Я всегда придерживался мнения, [1] что дальнейшие раскопки, в частности в Улагане, курганов с вековой мерзлотой гарантируют научные результаты первостепенной важности. Предварительное сообщение о работах, проведённых там в 1947 г., как мне кажется, служит тому порукой.

Экспедиция 1947 г.

Трудности, неизбежные при организации раскопок в таком удалённом и малонаселённом районе, каким является Улаганский аймак Горно-Алтайской автономной области, заставили Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР запроектировать раскопку только одного из группы в пять курганов, первый из которых был раскопан в 1929 г. и получил в литературе известность под названием Пазырыкского (I). С этой целью отряд, в котором, помимо меня, приняли участие Н.М. Руденко и С.А. Семёнов, в конце июня выехал в Восточный Алтай, куда и прибыл в середине июля.

Безводная лощина, на дне которой расположены курганы, находится на высоте 150 м и в расстоянии 1.5-2 км от реки Улагана, что к югу от неё, и реки Балыктыюл, что к западу. От места раскопок до аймачного центра Улагана 16 км, близ же лежащие поселения, состоящие из нескольких семей, находятся в расстоянии 2.5-3 км.

Позднее время нашего прибытия, совпавшее с горячей порой полевых работ, крайний недостаток местной рабочей силы, удаленность места раскопок от населённых пунктов, отсутствие близ курганов воды — все это крайне осложняло организацию работ. Только благодаря исключительному вниманию к нашим исследованиям со стороны партийных организаций и особенно председателей сельхозартелей имени Сталина и Кызыл-Тандок, тт. Сугунушева и Тазрашева, нам удалось успешно справиться с поставленной задачей. Всё же, вследствие наступивших уже в конце августа утренних заморозков, 4 сентября мы вынуждены были прекратить работы, оставив не вскрытой часть погребальной камеры раскопанного нами кургана. Замороженной и законсервированной мы её оставили до весны 1948 г.

Поскольку раскопка кургана не закончена — преждевременна исчерпывающая характеристика этого замечательного исторического памятника, и мы ограничиваемся только публикацией наиболее интересных вещей и сообщением ряда соображений, вытекающих из предварительного их изучения.

Устройство кургана.

Для раскопок был выбран курган, расположенный рядом с раскопанным в 1929 г. и к югу от него. В отличие от последнего, этот курган был сооружен не на песчано-илистых отложениях бывшего здесь некогда озера, а на берегу его, на глинисто-гравийных отложениях. Чрезвычайно тяжёлый грунт, особенно в условиях мерзлоты, крайне осложнял производство работ по вскрытию кургана.

Курганы типа, раскопанного нами, повсюду на Алтае обычно встречаются группами в виде цепочки из нескольких курганов, вытянутых с севера на юг, и имеют примерно одно и то же устройство. Прямоугольная) близкая к квадрату, могильная яма, с почти отвесными стенками, площадью около 50 кв.м, вырывалась на глубину около 4 м. Южную часть ямы, примерно две трети, занимала погребальная камера, состоящая из двух вставленных один в другой срубов, с полом из толстых плах и двойным бревенчатым потолком. В северной части — конское захоронение. Над камерой и конями — покрытие из берёсты и лиственничной коры, поверх которых мощный слой кустарника курильского чая (*Potentillafruticosa*). Выше могильная яма почти до краёв заполнялась настилом из брёвен лиственницы. Затем над могилой насыпался земляной холм, диаметром около 30 м и высотой в центре кургана около 2 м. Сверху весь курган прикрывался каменной наброской, высотой в центре 1.5-2 м, диаметром около 40 м.

Курган, раскопанный нами, за исключением некоторых деталей, мало отличался от своего соседа, раскопанного в 1929 г. [2] При меньшем диаметре каменной наброски, всего 36 м, последняя оказалась несколько ниже, а именно 1.75 м в центре кургана. Куполообразная насыпь под каменной наброской и над поверхностью почвы состояла из глины с включением крупных камней, и её высота в центре кургана была около 2 м. Размер прямоугольной могильной ямы оказался 7.1×7.8 м при глубине 4 м. Дно указанной ямы замощено слоем из булыжников диаметром около 10 см, сверх которого насыпан слой чёрной земли, и уже на нём поставлена погребальная камера. Её внутренние размеры 3.65×4.92 м при высоте 1.53 м; пол из толстых плах, стены и потолок двойные — бревенчатые, покрытие из шести слоёв берёсты и над ними слоя курильского чая.

Техника постройки камеры та же, что и в кургане, раскопанном в 1929 г. Лиственничные брёвна, использованные для постройки, небольшого диаметра — 20-25 см. Плахи пола выделаны из цельных брёвен путём снятия стёсыванием излишней древесины. Внутренние поверхности стен и потолка внутреннего сруба obtёсаны так, что представляют гладкие поверхности. Стены обоих срубов срублены в замок с остатком, брёвна потолка наружного сруба лежали непосредственно на брёвнах потолка внутреннего сруба. Плахи пола, брёвна стен и потолков плотно пригнаны друг к другу. На толстых столбах, по три вдоль северной и южной стенок камеры, лежали столь же толстые (около 35 см диам.) балки, поддерживающие настил из

9 рядов лиственничных брёвен. На уровне этого настила в северной части могильной ямы оказалось конское захоронение. Кони, вместе с брошенной там же сбруёй, были прикрыты слоем веток можжевельника и лиственницы, а затем сплошным двойным слоем из нетолстых брёвен, десятым и одиннадцатым по счёту над погребальной камерой.

После замеров курганной насыпи с каменной наброской в центре его был намечен квадрат 10×10 м. Центр этого квадрата почти совпал с центром грабительской воронки. От северной стороны этого квадрата до края кургана была проложена десятиметровая траншея. На этой площади, 10×23 м, послойно снималась каменная наброска, а затем земляная насыпь, пока не обнаружили северный и восточный края могильной ямы, после чего работы велись уже только в центральном квадрате.

На глубине 40-50 см от поверхности погребённого почвенного покрова оказался сплошной накат из нетолстых брёвен и в нем прорубленный грабителями лаз, 1.45×2.3 м. В следующем, втором слое бревенчатого настила обнаружена вековая мерзлота.

По мере углубления, площадь квадрата, в котором велись работы, постепенно сокращалась, главным образом за счёт западного сектора. Во избежание оползней площадь раскопа не расширялась, и брёвна настила извлекались перерубленными у западной стенки.

Грабительский ход, по мере углубления в бревенчатом настиле, постепенно суживался, встретившаяся на пути средняя поперечная балка, поддерживающая настил над камерой, грабителями была перерублена, и их лаз в потолке камеры сократился до 45×70 см.

Обледенение погребения.

По снятии потолков погребальной камеры оказалось, что вся она заполнена льдом. Обрывки меха, тканей, обломки различных предметов попадались уже при расчистке грабительского лаза. Естественно было ожидать наличия всплывших вещей и их частей во всех горизонтах льда, заполнявшего камеру. Если разбор конского захоронения можно было производить при медленном естественном его оттаивании, почти не прибегая к помощи тёплой воды, то оттаивание находящихся во льду камеры вещей при помощи тёплой воды было единственным способом производства работ. Потолок камеры находился на глубине около 6 м от поверхности каменной наброски кургана, а вся камера — в центре мощной линзы вековой мерзлоты с температурой ниже 0°. На естественное таяние льда в камере, следовательно, нельзя было рассчитывать.

По снятии потолка, к югу от грабительского лаза и рядом с ним была высечена во льду, для стока талой воды, в широтном направлении канавка, 40 см ширины и 30 см глубины. В дальнейшем вскрытие камеры велось с медленным оттаиванием льда, тёплой водою поливались обнажавшиеся предметы и ледяные промежутки между ними.

В ложбине, где находится курган, вне каменной наброски, нет вековой мерзлоты. Это было установлено мною ещё в 1924 г. и подтвердилось специальными наблюдениями Института мерзлотоведения Академии Наук СССР во время наших раскопок. Глубокий шурф, заложенный рядом с курганом, не обнаружил мерзлоты. В шурфе, заложенном в крыле кургана, у края каменной наброски, мерзлота оказалась на глубине менее 3 м от поверхности почвы. Шурф, заложенный на дне могильной ямы, показал, что вековая мерзлота распространяется на глубину 1.5 м ниже дна этой ямы. Таким образом, несомненно, что вековая мерзлота в кургане — результат конструкции самого кургана.

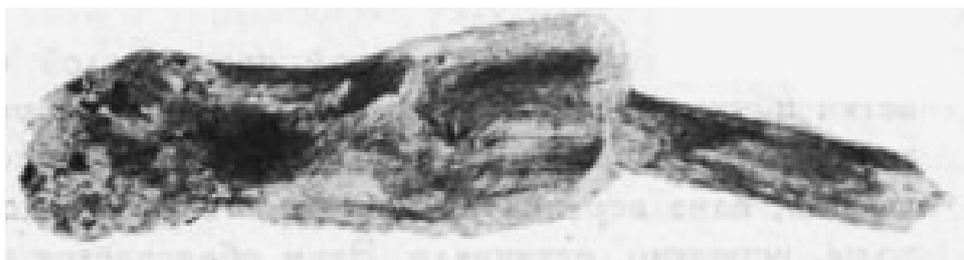

Рис. 1. (1/6 н.в.). [Деревянная колотушка.]

Погребение в кургане I (раскопанном в 1929 г.), как мы знали, было совершено осенью. Поздняя осень — вероятное время захоронения и в нашем кургане II. Во всяком случае, могильная яма копалась не в мерзлом грунте. При вскрытии кургана было найдено большое количество кольев и деревянные колотушки (рис. 1), при помощи которых рылась могильная яма. В мерзлом грунте, особенно, как в данном случае — глинистом, такую яму, ёмкостью около 200 куб.м, указанными орудиями вырыть невозможно.

Основным фактором образования курганной мерзлоты была каменная наброска, в тёплое время года конденсирующая влагу и, вместе с тем, являющаяся хорошим теплоизолятором, защищающим курган от прогревания. Должен был, однако, пройти ряд лет, пока под насыпью кургана образовалась та линза вековой мерзлоты, которую мы обнаружили при раскопках.

Мясо и многие другие продукты, положенные в погребальную камеру, успели полностью разложиться прежде, чем в ней установилась постоянная температура ниже 0°. В камере были найдены крестцовые кости и поясничные позвонки крупного и мелкого рогатого скота, мясо же не сохранилось.

Тем не менее, в камере, при относительно низкой температуре уже в первые годы после погребения, прекрасно сохранились не только изделия из меха, кожи, шерсти и дерева, но даже мумифицированные тела погребённых. Так как могильная яма была вырыта в глинистом водонепроницаемом грунте, то в первые же годы после сооружения кургана проникшая в него вода скопилась на дне камеры и затем замёрзла слоем в 10-12 см. Одновременно с образованием линзы мерзлоты доступ воды в камеру кургана прекратился.

Грабители не без упорного труда проникли в уже замерзший курган. Лёд, вероятно конденсационного происхождения, заполнял в это время и саркофаг-колоду, совершенно такого же типа, как и найденная и кургане I. [3]

По снятии крышки грабители вынуждены были для извлечения находящихся в колоде вещей вырубить почти до дна её борта, оставив нетронутыми только концы. С низких деревянных столиков, стоявших на полу камеры, грабители содрали крышки, которые, видимо, понадобились им для выноса из кургана награбленных вещей, а ножки столиков остались на месте, вмёрзшими в лёд. Через грабительскую воронку и лаз в камеру конусом навалились камни с землёй, а проникавшая туда вода натёками замерзала, пока не заполнила камеру целиком. Этот натёчный желтоватый лёд резко отличается от первичного прозрачного и чистого льда на полу камеры.

Конское захоронение.

Во время раскопок второй сверху слой брёвен и лежащие под ним ветки и трупы лошадей находились в замороженном состоянии. Однако, вследствие того, что конское захоронение было расположено сравнительно высоко, близ верхней границы вековой мерзлоты, оно в особенно тёплые годы, вероятно, оттаивало. Этим объясняется плохая сохранность трупов и положенных с ними вещей. Кроме того, в беспорядке набросанные ветки, прижатые брёвнами под тяжестью земляной насыпи и каменной наброски, спрессовались в одну массу с телами коней и хрупкими предметами из украшений конской сбруи, что также обусловило плохую сохранность последних. Наконец, часть вещей конского убранства была, повидимому, утрачена ещё до захоронения.

Здесь на правом и левом боку, головою на восток, лежало семь коней. Масть их была тёмная, гнедая, один был вороной, один — бурой масти. Хвосты и гривы у всех были чёрные. Шерсть и волос сохранились хорошо, но при первом же прикосновении отделялись от кожи. Головы были такой плохой сохранности, что нельзя было различить ни одного уха или извлечь хотя бы один целый череп. Лучше сохранились грудные клетки и большие кости конечностей. Копыта отпали и деформировались. Гривы у коней, за исключением двух случаев, были подстрижены, хвосты заплетены в три пряди, в одном случае хвост был спирально закручен. Узды, сёдла и одна маска находились подле коней, по всей площади их захоронения. Прекрасно сохранились все удила, не плохо — роговые, хуже — деревянные украшения узд. За исключением двух-трёх обрывков из набора только одного седла, уздечные и седельные ремни не сохранились. Много худшей сохранности, по сравнению с найденными в первом кургане, оказались и сёдла. Несмотря на более скромное, даже бедное, по сравнению с курганом I, конское убранство, — и здесь найдена целая серия замечательных вещей, свидетельствующих о высокой культуре их творцов.

Ни одной узды целиком в этом кургане не сохранилось, но, судя по уцелевшим их частям, они были точно такие же, как и в кургане I. [4] Они представляют собой оголовье из щечных ремней, переносья и подбородника

с подвешенной бляхой налобника, с удилами и со вставленными в их кольца псалиями.

Удила у пяти узд железные, у двух бронзовые, все одной и той же формы. Железные удила — кованые, сделанные из круглых в сечении стержней, с внутренними малыми кольцами яйцевидной формы и с кольцами широкими, круглыми на внешних концах (табл. I, 2). Бронзовые удила отлиты в глиняных формах и сохранили хорошо различимые линии в местах соприкосновения частей формы. Звено с малым внутренним кольцом отлито в двухстворчатой форме, а звено, кольцо которого подкововидное, — в трёхстворчатой (табл. I, 3).

Трензели или псалии, как и орнаментальные бляхи или подвески, имелись не на всех уздах. Двое железных удил найдено не только без ремней оголовья, но и без псалий и украшающих узду блях. Это, видимо, были совсем простые ременные узды. Одна пара псалий оказалась роговой, остальные четыре пары — деревянные. Роговые псалии, найденные в кольцах железных удил, вместе с богатым набором украшений узды из рога благородного оленя, представляют собою (табл. I, 4) довольно длинные (15.4 см), слегка только обработанные, концевые части отростков оленьих рогов естественной изогнутости. Верхние их концы прямоугольного сечения (10×18 мм), нижние — заострённые. Посредине высверлено по паре овальных сквозных отверстий для скрепления со щёчными ремнями оголовья.

Деревянные псалии только в одном случае прямые, остальные три пары S-образной формы. Несмотря на то, что в большинстве они повреждены, сохранившиеся части позволяют целиком восстановить их форму. Их концы украшены головами бараньими и птичьими и изображениями кошки.

Особенно интересны псалии, оканчивающиеся передней частью туловища кошки (табл. II, 1). Рельефно вырезанная голова с разинутой пастью, передняя лапа упирается в подбородок, уши вместе с баками представлены одним рубчатым завитком, верхняя губа в характерных для хищника складках. При всей условности передачи этой фигуры, чётко намечен плечевой пояс конечностей. По всей поверхности фигурка была оклеена листовым золотом. Птичьи, гусиные, головы (табл. II, 2) в S-образных же псалиях выполнены условно, но очень выразительно. Размерами и формой клюва, а также нарочито подчёркнутой восковицей переданы особенности вида. Золотом были оклеены и эти головы. Третья пара S-образных псалий — с изображением бараньих головок на концах (табл. II, 4). При некоторой стилизации головки эти гораздо ближе к натуре. Хорошо передана удлинённая горбоносая баранья мордочка с сильно загнутым рогом самца. Как и в описанных выше псалиях, для крепления со щёчными ремнями оголовья имеются сквозные овальной формы отверстия. Средняя их часть оклеивалась лоскутом кожи.

Псалии прямые с головами горного барана на концах отличаются от S-образных тем, что их головы смотрят не вперёд и назад, как у S-образных, а вверх и вниз и притом находятся в одной плоскости, а не под углом

180° одна к другой. В головках горных баранов (табл. II, 3) подчёркнуты особенности самца аргали — круто изогнутые рога и борода. Головки аргали были оклеены оловянной фольгой, и только на уши наложены золотые листки. Сквозные отверстия для ремней в этих псаляях — прямоугольной продолговатой формы. Подобные псаляии были найдены и в кургане I, только там [5] несколько иначе переданы рога и более чётко оформлена большая борода.

Все изображения животных и их голов в деревянных псаляях выполнены в низком рельефе, так как внутренняя их сторона должна была быть плоской.

Уздечные бляхи. Большинство узд украшено, а особенно богато — одна из них — с роговыми псаляями. Все бляхи этого набора, как сказано, вырезаны из рога благородного оленя.

Замечательна подвесная налобная бляха, представляющая собою смелую композицию из двух геральдически сопоставленных изображений гуся с запрокинутой назад головой, увенчанную головою рогатого и ушастого хищника. Пара ног, гусиных лап, в основании этой композиции, придают ей антропоморфный вид (табл. III). Хищник держит гусей в зубах. Таков мотив этого налобника в целом. Интересно, что при рассмотрении этой композиции, вертикально разделённой на правую и левую половины, каждая из них представляет собою фигуру гуся в пасти рогатого и ушастого хищника, но изображённого уже не впрямь, а в профиль. Эта деталь не случайна, а задумана и выполнена мастером преднамеренно. Второй, заслуживающий внимания момент, это стиль выполнения тел гусей и головы хищника. В то время как гуси поданы вполне реалистично, особенно их повисшие головы, — голова хищника передана в условной манере. Морда со складками верхней губы, преувеличенно подчёркнутые брови, приставные уши с характерным противозавитком, рога с шариками на концах — всё это приёмы хорошо известные в изображениях рогатого львиного грифона, каким мы его знаем в Передней Азии и, особенно, в ахеменидской Персии. Образ этого чудовища, целиком заимствованный с юга, здесь на Алтае получил свою переработку с сохранением основных, ставших уже трафаретными, приёмов воспроизведения, с приспособлением для задуманной композиции. В этом прекрасном образце подлинно «скифского звериного стиля» получил свой синтез длительный процесс развития художественного образа. Эта резная бляха налобника, выполненная в низком рельефе, в прорезях рисунка подкрашена красной и жёлтой минеральными красками.

Роговые бляхи этого же уздечного набора — овальной, почти круглой формы, большие (диам. около 7 см, табл. III, 3 [надо:1, 5]) и малые (диам. 4.2 см, табл. I, 1), имеют один и тот же врезной лотосовидный рисунок. В центре, внутри овального бортика, прорез и два круглых отверстия для прикрепления бляхи к ремню. Вверху и внизу между стеблями по пять лепестков цветка лотоса на больших бляхах и по четыре — на малых. Вправо и влево те же цветы, но в иной трактовке. Вырезанный в плоском рельефе орнамент, как и налобный, в прорезях выкрашен в красный и жёлтый цвет.

Лотосовидный орнамент этих блях заслуживает не меньшего внимания, чем голова рогатого львиного грифона в налобной бляхе. Не может быть никаких сомнений в том, что мотив лотоса, этого типичного североафриканского растения, проник на Алтай через Переднюю Азию. В идентичной трактовке цветков этого растения мы знаем на известной ассирийской резной пластинке слоновой кости из Нимруда (Кальху), в барельефах Персеполя и в цветных глазированных кафлях Суз, а также на ручке кинжала из Чертомлыкского кургана, примерно того же времени и, вероятно, иранской работы. [6]

Следует отметить, что весь набор роговых украшений этой узды, в отличие от остальных деревянных, не был изготовлен специально для погребального обряда, и вместе с удилами, был в употреблении задолго до погребения.

Вместе с псалиями, оканчивающимися фигурками кошек (табл. II, 1), найдены подковообразные дощечки, окрашенные киноварью в яркокрасный цвет и рядом с ними фигурки полулежащих кошек. Дощечки эти служили основаниями для кошачьих фигурок и являлись украшениями узды. Фигурки тонкими ремешками были привязаны к дощечкам, а последние подвешивались на особом ремешке. Кошки эти полулежат на правом или левом боку (табл. IV), с поджатыми задними ногами и вытянутыми вперёд передними, с вытянутой шеей и приподнятой вверх, как бы настороженной, головой. Как и на головах в псалиях, торчащие уши, вместе с баками, и в этих фигурках оформлены одним рубчатым завитком. Верхние губы на выразительных мордочках — в резких складках. Все фигурки целиком покрыты листовым золотом. Выполнены кошки в круглой скульптуре, не часто встречающейся в скифском искусстве. На Алтае мы до сих пор знали только деревянные фигурки оленей из Катандинского кургана, да бронзовые литые фигуры орликов из кургана Берельского. [7]

Не так просто решить, какой вид кошки изображается в данном случае. В погребальной камере найдены различные изделия с мехом (определённым в Зоологическом музее Академии Наук СССР В.А. Факановым), в частности — леопарда (*Leopardus pardus* L.) или пантеры, называемой в Азиатской части СССР барсом, и степной кошки (*Felis creata*). Леопард в те времена, вероятно, водился на Алтае или в ближайших к нему районах. Во всяком случае, этот зверь был хорошо известен народу, оставившему исследуемые нами курганы. Ещё в прошлом веке на Алтае неоднократно встречался тигр (*Felis tigris*), которого древние алтайцы также хорошо знали. Ирбис или барс (*F. uncia* — *F. irbis*) до последнего времени нередко встречался в Восточном Алтае по рекам Чуе и Аргуту и в хребтах Саура. Там же и в настоящее время промышляют рысь (*F. linx*), по рекам Аргуту и Чуе встречается степная кошка — мануль (*F. manul*). Таким образом, кошек прекрасно знали мастера их изображавшие, а живость поз свидетельствует о том, что они взяты непосредственно с природы.

В качестве налобной подвесной бляхи в этом же наборе имеется простая круглая деревянная с выпуклой центральной частью (рис. 2, б). Она была выкрашена в красный цвет, а её выпуклая центральная часть покрыта

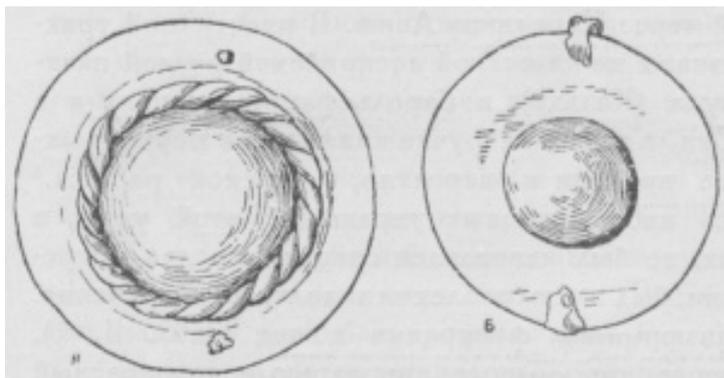

Рис. 2. (1/2 н.в.). [Деревянные бляхи от узды.]

листом золота. Точно такие же бляхи были найдены и в кургане I. Изящнее оформлена деревянная, также круглая, налобная бляха с выпуклой центральной частью от другого уздечного набора (рис. 2, а). Выпуклая центральная её часть окаймлена кольцом верёвочного орнамента. И эта бляха в её выпуклой части вместе с кольцом покрыта листовым золотом.

В наборе одной из узд имеются деревянные оленьи головки (табл. XXVI, 3), вильчатые деревянные пластинки, покрывающие разветвление щёчных ремней в месте прикрепления их к псалям, такие же, какие были найдены в кургане I. [8] В другом наборе такие же вильчатые пластинки, но из толстой кожи с врезным орнаментом (табл. XXV [надо: XXVI], 2).

Вместе с наборами двух узд найдены изящной формы роговые пряжечки (рис. 4, а), вероятно от подбородочных ремней.

Судя по находкам в кургане I, где узды очень хорошей сохранности, последние по существу мало чем отличались от широко распространённых в то время. Точно такие же узды были и у западных скифов и у персов. [9] И у тех и у других на месте перекрестия ремней узды, на переносье и на лбу укреплялись украшающие их бляхи. Раздвоенным в месте соединения с псалями щёчным ремням предшествовали, повидимому, ремни с тремя разветвлениями. На ассирийских барельефах мы имеем именно такой формы щёчные ремни. [10]

Сёдла из этого кургана точно такие же, как и найденные в кургане I. Та же форма, [11] тот же материал и техника выполнения. Они состоят из двух соединённых друг с другом подушек, войлочного потника, войлочной покрышки, четырёх деревянных дужек, по две на передних и на задних концах подушек.

Плоские кожаные подушки сёдел шиты сухожильными нитками и набиты оленьим волосом, кроме двух, набитых травой рода осоки. Каждая подушка вдоль прошита тремя швами, шерстяным шнурком, удерживающим на месте шерсть или траву. Передние края подушек набиты туже и образуют небольшой валик, прообраз передней луки. Валики на задних краях меньше. Помимо общего для обеих подушек нижнего кожаного полотнища, они скреплены также ремнями.

Седельные покрышки из тонкого, но плотного и мягкого, как фетр, войлока, выкроены по форме седла и целиком прикрывают подушки. Они выкрашены в синий или красный цвет, или были белыми, но пожелтели от

долгого пребывания в земле вместе с трупами лошадей. Все они по краю обшиты полоской кожи. В одном случае синяя покрывка не имела никаких украшений. Три покрывки украшены изображениями орлиного грифона, лося и борьбы зверей, выполненными в технике аппликации из цветного войлока. На трёх покрывках наклеены вырезанные из тонкой кожи, раскрашенные жёлтой и красной краской сцены борьбы зверей, частично покрытые листовым золотом. К подушкам покрывки прихвачены только теми ремешками, которыми прикреплены упомянутые выше деревянные дужки.

Из аппликации на седельных покрывках мы даём изображение только трёх. Первая из них (табл. V, 1) — орлиный грифон, со светлым, почти белым львиным телом, с мягкими кошачьими лапами и хвостом с синей кисточкой на конце. Шея, клюв и передние лапы синего цвета, голова и уши — красные, крылья и гребень — белые, но чешуйки последнего — красные. Мускулатура, рёбра и другие детали форм тела переданы в условной манере разноцветными традиционными «точкой», «запятыми» и «полуподковками» — приёмом, известным по раскопкам кургана I. Красные треугольники в верхних частях передних и задних лап, — также традиционная манера воспроизведения мускулатуры ног, — в данном случае усиливают впечатление лёгкости всей фигуры. Стремление приспособить изображение грифона к форме седельной подушки определило позу и пропорции отдельных частей тела этого чудовища. Все изображение, выполненное в технике аппликации, нашито на покрывку разноцветными кручёными шерстяными нитками.

С изображением головы рогатого львиного грифона мы уже имели случай познакомиться в роговом налобнике конской узды. Здесь перед нами прекрасное воспроизведение ушастого, с гребнем и воротничком, орлиного грифона с львиным телом. Напомним, что в кургане I на одной из седельных покрывок найдено изображение такого же орлиного грифона, напавшего на горного барана, а также рогатого и крылатого львиного грифона, схватившего горного козла. Особенно интересен этот последний, со своеобразно переданными рогами и с птичьей головкой на конце хвоста, вместо кисточки. [12] Воспроизведение орлиного грифона на данной покрывке (табл. V, 1) самостоятельно, вне композиции с другим животным, побудило мастера всё внимание сосредоточить на передаче особенно характерных черт этого фантастического животного. С наибольшим старанием выполнена голова грифона, с его «чешуйчатым» гребнем, обычным на скифских вещах греческой работы, [13] с воротничком, [14] с мощным клювом и «видящим» оком. Крылья переданы небрежно, в условной манере и с загнутыми вперёд концами, что типично уже для персидского искусства того времени. [15] Львиное тело грифона даже в деталях представлено так, как это было принято в ахеменидской Персии.

В той же, как и грифон, позе, приспособленной к форме подушки седла, дано и изображение лося с запрокинутыми на спину рогами (табл. V, 2). Тело его интенсивно синего цвета, за исключением белой хвостовой части,

голова с ухом и бородкой — светлокрасные, рога — белые. Мускулатура и детали формы тела переданы в той же условной манере «точками», «запятыми» и «полуподковками».

Силуэтная сцена нападения барса на лося (табл. VI, 2) вырезана из тонкой кожи и наклеена на красную фетровую покрышку седла. Сцена эта гораздо выразительнее, чем изображения на покрышках, о которых шла речь выше. Здесь и лось, и барс более реалистичны и несравненно более жизненны. Барс, с характерным для кошки изгибом тела и шеи, закрученным на конце в кольцо хвостом, с мягкими, но когтистыми лапами, впился в шею лося. Поражённый лось — в той же позе, что и лось в композиции схваченного орлом из кургана I [16] с повёрнутой кверху головой и вывернутым задом. Вся фигура барса покрыта яркожёлтой краской, с круглыми и полосатыми тёмными пятнами по телу, рисунок — чётко отпечатавшийся на камне и меховой сумке, лежавших под данным седлом.

Рис. 3. (3/5 н.в.). [Кожаная аппликация.]

Передние и задние валики подушек седла не прикрывались войлочной покрышкой, а обшивались красной шерстяной тканью или, реже, покрывались плетёной ременной сеткой. На некоторых сёдлах, на передние и задние валики поверх красной ткани, нашивались вырезанные из кожи узорные украшения, покрытые оловянной фольгой (рис. 3).

Войлочный потник изготовлялся из более толстого, но мягкого белого войлока плотной катки. Форма его отвечает форме седла.

Деревянные дужки поверх передних и задних седельных валиков, о которых шла речь выше, треугольные в поперечном разрезе, своей широкой нижней поверхностью плотно закреплены на седле и по двум верхним граням покрывались листовым золотом.

Подпруга, нагрудный и подхвостный ремни сохранились только у одного седла. Нагрудный и подхвостный ремни украшены вырезанными из кожи и покрытыми листовым золотом подвесками и нашивными бляхами. Подпружные роговые пряжки имеются от двух сёдел. Такие пряжки были находимы при конских скелетах в рядовых погребениях. Они округлой формы с двумя прорезами, малым — для пришивания к подпруге и большим — для продевания ремня. Язычок наружный, на переднем конце пряжки (рис. 4, е).

У некоторых сёдел имелись роговые подвески, по форме похожие на пряжки (рис. 4, ж, з), которые пришивались к седлу сзади, в месте прикрепления подхвостных ремней. Помимо прореза у основания для прикрепления к седлу, в некоторых из них проделаны специальные орнаментальные отверстия.

Подхвостные ремни прикреплены к сёдлам при помощи специальных роговых конической формы пронизок (рис. 4, г), плотно приделанных к подушкам седла.

В задней части некоторых сёдел с обеих сторон имелось по три ремешка с деревянными ворварками. Одни ворварки сплошные в форме гирьки, (рис. 4, д), другие — полые внутри в форме гирьки или шарика (рис. 4, в, и) с ушком — петелькой или стерженьком для подвешивания. Такие ворварки

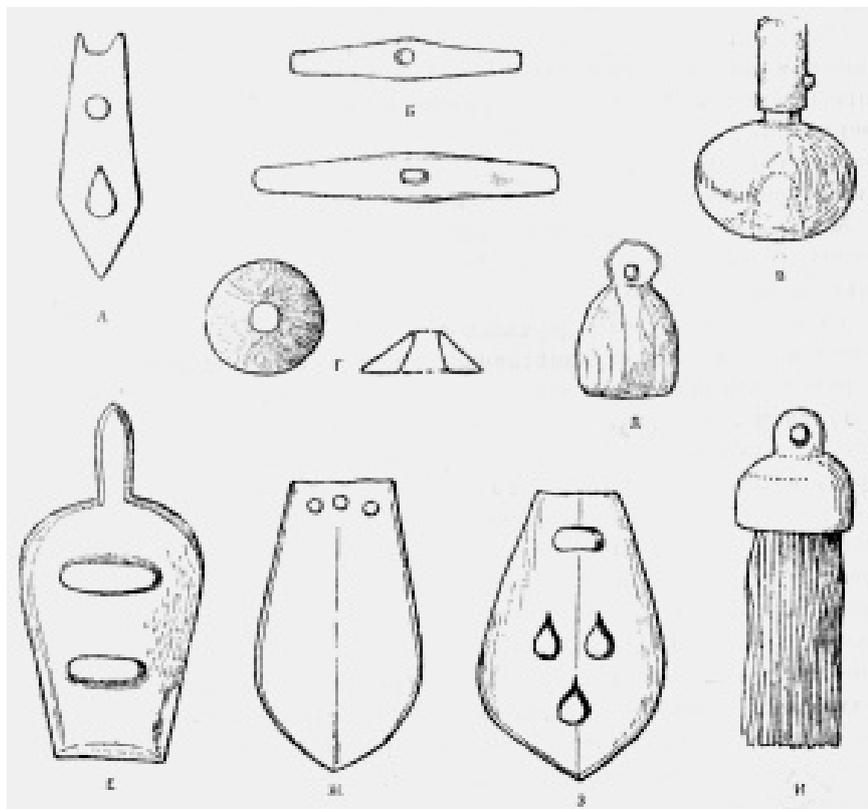

Рис. 4. (2/3 н.в.). [Принадлежности сбруи.])

со вставными кистями из белого конского волоса, выкрашенного в красный цвет. Сами ворварки были покрыты оловянной фольгой. Вместе с этими подвесками находились и палочки-застёжки от приторочных ремней (рис. 4, б).

При двух сёдлах были щитки из деревянных палочек, связанных лоскутком кожи, точно такие же, как и найденные в кургане I. [17] Один из них был в таком плохом состоянии, что истлевшие палочки разрушались при первом прикосновении. Палочки другого щитка сохранились удовлетворительно, но истлел связывающий их переплёт из кожи, от которого сохранилась лишь небольшая часть. Оба щитка были выкрашены красной краской.

В предварительном сообщении о раскопках кургана I [18] я писал, что, несмотря на малые размеры таких щитков (27×37 см), мы имеем дело с оборонительным оружием, и сопоставлял их со щитами, известными нам по изображениям сражающихся скифов, в частности на золотом гребне

греческой работы из кургана Солохи. Совместное нахождение таких щитков при сёдлах вместе с меховыми мешками, наполненными пищей, заставляет меня отказаться от высказанного ранее предположения. Думаю, что такие щитки служили для предохранения мехового мешка с продуктами от непосредственного соприкосновения с телом верхового коня.

Один из таких мешков, наполненный овечьим сыром, найден нами вместе со щитком при одном из сёдел. Мешок этот кожаный, типа широкой и плоской фляги (размером 30х40 см) со сравнительно узким горлом. Наружная его поверхность покрыта мозаичным узором, выполненным техникой аппликации и составленным из вырезанных кусочков кожи, белого и окрашенного в синий цвет меха. Мотив этого узора приведён на табл. VII.

Маска с одной из конских голов, типа, известного уже по материалам кургана I, [19] ещё не изучена. Отмечу только, что её сюжет — птица на голове горного барана.

Особенно интересно деревянное (дл. 45 см) кнутовище нагайки, оформленное в смелой композиции, изображающей мчащуюся лошадь, на которую сзади напал хищник кошачьей породы. Голова лошади (табл. VI) на переднем конце кнутовища, в круглой скульптуре, изображена вытянутой вперёд с поджатыми ушами и подстриженной гривой. Передние ноги вытянуты вперёд, с копытами у самой головы. Зад коня вывернут, с вытянутыми назад ногами. Рукоятка кнутовища, оформленная также в круглом рельефе, оканчивается задом присевшей на лапы кошки, с хвостом, направленным вперёд и на конце завившемся; тело кошки обвивается, в виде змейки, вокруг кнутовища и заканчивается, к сожалению, сильно повреждённой в изломе кнутовища головой. Мастерски, с полным знанием природы, реалистично переданы голова лошади и задняя половина тела кошки, остальное выполнено в условной манере. В передней части кнутовища, под ногами лошади, два круглых отверстия для прикрепления ремня нагайки, а на заднем конце — одно, для петли. Все кнутовище окрашено в яркокрасный цвет киноварью.

Несмотря на иной материал и иную технику выполнения, изображение лошади, по своей композиции, подобно, правда, более стилизованному изображению сайги на роговой пластине из алтайской коллекции Спасского. [20]

Погребальная камера.

Пол погребальной камеры был покрыт, а стены обтянуты на высоту 65 см от пола толстым, но мягким и не плотной катки чёрным войлоком.

Дно саркофага-колоды, стоявшей вдоль южной стенки, также было застлано тем же чёрным войлоком, сложенным вдвое. Поверх войлока лежал чёрный шерстяной коврик с длинным ворсом, на котором было положено тело или тела погребённых, а также различные вещи. Грабители, проникнув в камеру, сорвали с колоды крышку и отбросили её в сторону, борта колоды изрубили, с тел мужчины и женщины сняли всю одежду, разорвав её в клочья.

У мужчины и у женщины головы были найдены отрубленными. У женщины, кроме того, оказались отрубленными кисть правой руки, стопы и голени обеих ног, видимо для того, чтобы снять ценные украшения, шейные гривны и браслеты; разрубленной оказалась и кисть правой руки женщины. Часть вещей грабители забрали целиком, от некоторых же взяли только те или иные интересовавшие их части.

Очень немногие предметы оказались на своём месте не потревоженными. Огромное большинство вещей найдено в виде фрагментов, нередко части

Рис. 5. [Вырезанные из кожи фигуры оленей.]

одного и того же предмета — в различных местах камеры. Поэтому описание погребального инвентаря даётся не в зависимости от места нахождения их в камере, а исходя из их назначения.

Саркофаг-колода выдолблена из цельного ствола лиственницы, длиной 4.2 м, высотой 0.72 м и шириной около 90 см (от 87 до 95), с четырьмя массивными проушинами, по две на каждом конце.

С обеих продольных сторон колода была украшена вырезанными из кожи изображениями бегущих один за другим оленей. Так как борта колоды изрублены, то фигуры оленей более или менее удовлетворительно сохранились только на её концах, — остальные или сильно повреждены или найдены в обрывках. Бегущие с запада на восток олени прибиты к колоде маленькими гвоздиками, гладкой поверхностью тонко выделанной кожи внутрь, из чего можно заключить, что их наружная мездряная поверхность была покрыта оловянной фольгой, хотя достаточного для анализа количества частиц металла собрать не удалось. В этих силуэтных изображениях (рис. 5) мастерски переданы характерные особенности самца дикого оленя, с его коротким лосеподобным телом и широколопастными рогами. Впечатление лёгкости бега этих массивных фигур достигается нарочитым вырезом треугольников в верхних частях бёдер ног.

Домашняя утварь и посуда.

В восточной части камеры, непосредственно возле колоды стояли два столика. Рядом с ними, севернее, у самой стенки — два деревянных сосуда и глиняный кувшин, а западнее — третий столик. Четвёртый столик стоял ближе к центру камеры, к востоку от конуса мусора, под грабительским лазом.

Все столы — одного и того же типа, строго выработанной формы. Это низенькие (около 45 см высотой) столики на четырёх ножках с крышкой овальной формы (в среднем 52×65 см). Крышки съёмные, вырезанные из цельного дерева, со слегка вогнутой верхней поверхностью и приподнятым краем-бортиком, высотой около 4 см. Нижняя поверхность крышек выпуклая, с четырьмя выступающими втулками для шпеньков верхних концов ножек. Гнёзда этих втулок круглые или прямоугольные, в зависимости от формы шпеньков. На шпеньках некоторых ножек обнаружены тонкие кожаные накладки для прочного укрепления ножек в гнёздах крышек. Крышки были покрашены в красный цвет киноварью. Только один столик, как сказано, не был потревожен (табл. VIII, 2), с остальных трёх крышки были сняты. Из них найдены пока только две и притом сильно повреждёнными, — одна у восточной стены в камере, другая в воронке грабительского хода, над камерой.

Надо полагать, что на этих столиках грабители отрубали головы, руку и ноги погребённых и, быть может, рубили ещё какие-нибудь предметы. Одна из этих двух крышек особенно сильно изрублена, имеет большое количество следов удара топора и много расщелин. Кроме того, у каждого из этих столов подрублено по одной ножке, одна даже перерублена пополам, хотя остальные не тронуты и стояли на своих местах.

Ножки от четырёх столиков сохранились все. Два комплекта представляют собою львиные фигуры, и два комплекта ножек круглые, резные и точёные. Круглые резные ножки (высота общая 33 см полезная, без шпенька, — 29 см, диам. 5.5 см) с восемью опоясывающими ножку острорёберными валиками (табл. IX, 3). Круглые, точёные на токарном станке, ножки (высота общая 35 см, полезная 33, диам. 5 см) с четырьмя тройными острорёберными круговыми валиками, отделяющими верхние и нижние концы ножек, с круговыми бороздками и четырьмя шаровидными сегментами (табл. IX, 4). Последние были покрыты оловянной фольгой. У круглых ножек и шпеньки, вставляющиеся во втулки крышек, круглые в сечении.

Ножки третьего и четвёртого столиков, как сказано, представляют собою вырезанные из дерева вытянувшиеся «львиные» фигуры, поддерживающие крышки. У одного из этих столиков ножки тоньше и грациознее (табл. IX, 2), чем у другого (табл. IX, 1). Фигуры стоят на задних лапах, а передними, вытянутыми вперёд, лапами и мордой поддерживают крышку стола.

В ножках, изображённых на табл. IX, 1, хорошо моделирован лоб и чётко вырезаны глаза (табл. VIII, 1); при открытой пасти широкий нос и

челюсти, верхняя губа в трёх мощных складках; рельефное ухо с намеченным противозавитком. Длинный хвост на конце завился в кольцо. Концы передних лап моделированы более тщательно как на боковых поверхностях, так и снизу, задние же — только сбоку и притом более схематично.

В ножках, изображённых на табл. IX, 2, передние лапы вырезаны полностью, передняя же часть морды срезана так, что остался только корень носа и часть складок верхней губы. В то время как на ножках табл. IX, 1 передние лапы касаются нижней челюсти, здесь они с боков прикрывают нижнюю челюсть и касаются верхней губы. Поэтому, несмотря на большее изящество тела этих фигур, их головы шире; крупнее по размерам и глаза; рельефные уши с ярко выраженным противозавитком. Передние лапы выполнены более схематично, чем на табл. IX, 1, задние же лапы оформлены не только сбоку, но и спереди. Особыми надрезами намечена мускулатура в области колено-бедренного сустава. Хвост с завитком на конце значительно короче, чем на табл. IX, 1. По всей же поверхности первых ножек видны следы ножа, которым они резались, поверхность вторых ножек сглажена.

Поскольку все ножки резались свободно, не по трафарету, все они — в пределах данного комплекта — в деталях несколько отличаются одна от другой, сохраняя общую форму и стиль. С другой стороны, несмотря на некоторые существенные отличия комплекта ножек одного стола от комплекта другого стола, они представляют собою варианты одного и того же вполне установившегося образца.

Шпеньки у ножек в виде львиных фигур и соответственные гнёзда в крышках столов — прямоугольные, ибо ножки вставляются в крышки так, чтобы фигура льва спиной была обращена наружу и параллельно короткой оси крышки.

Знаменательно, что крышки столов — съёмные. Следовательно, их владельцы не имели прочной осёдлости, а меняя место жительства, перевозили и свой домашний скарб, приспособленный к подвижной жизни. Малая высота столиков свидетельствует о том, что их хозяева ели, сидя на полу, на кошмах, подобных тем, какой устлан пол камеры. Любопытно, что крышки столов, при наличии довольно высоких бортиков, служили одновременно и блюдами. Пища, в частности варёное мясо, могла подаваться на таких столиках без опасения, что сок или подлива будут стекать со стола.

Не так легко подыскать полные аналогии этим замечательным столикам. Столики и троны с подобными круглыми резными ножками, опирающимися на львиные лапы и с кольцевым орнаментом нам хорошо известны в Ассирии и ахеменидской Персии. [21]

Скульптурное оформление львиных фигур, особенно голов, типичное переднеазиатское, восходящее к ассирийским и, позднее, к персидским скульптурам и барельефам. Правда, подобные же фигуры, но в иной композиции имеются и ближе, например известная сибирская литая бронзовая шейная гривна Эрмитажного собрания с двумя лежащими лицом к лицу

львами. Оформление голов с приоткрытой пастью, характерным завитком, отделяющим анатомическое лицо от черепной коробки, глаза и уши, оформление лап, — всё это в ножках столов (табл. VIII, 1) и в шейной гривне идентично. Только верхняя губа льва ножки — в складках, у льва же гривны — гладкая. Нет существенных и стилистических различий, так как гривна, несомненно, отливалась по оригиналу, вырезанному из дерева. Всё же, как самый сюжет, так и детали его воспроизведения не местные, не сибирские. В частности, эти характерные складки верхней губы льва при разинутой пасти типичны для ассирийской скульптуры и барельефов VII в. до н.э., [22] а характерное для наших алтайских львов оформление они получают в ахеменидской Персии. [23]

Рис. 6.
[Сосуд с наклеенными кожаными фигурками петухов.]

Глиняные кувшины одной и той же формы и величины стояли на полу камеры. Один из них, непо потревоженный грабителями, стоял между двумя столиками с львиными ножками. Другой, от которого уцелело только горлышко и отдельные черепки, стоял у восточной стенки камеры, рядом со столиком на круглых ножках. Целый кувшин при вскрытии камеры стоял во льду, но в такой степени растрескался, что при оттаивании его можно было взять только по частям; особенно сильно разрушилось дно.

Кувшин этот (табл. X, 1) плоскодонный (диам. 12 см), с широким туловом (диам. 28.5 см) и узкой (диам. 11.5 см) шейкой, расширяющейся к верхнему краю горлышка (диам. 17 см); высота кувшина 50 см. Вылеплен он из серой глины со значительной примесью, в качестве связующего элемента, мелкого гравия; примесь эта в тесте распределена неравномерно, местами в изломах видны только отдельные зёрна, а местами наблюдается большое скопление гравия, крупностью отдельных зёрен до 6 мм, а в некоторых случаях попадаются пластинки до 11 мм длиной. Как этот, так и второй сосуд изготовлены без гончарного круга, методом последовательного наложения колец или полос шириною в 8 см. Наружная и внутренняя поверхности сосуда покрыты хорошо отмученной желтовато-красной глиной и тщательно заглажены. Особенно хорошо лощение с наружной поверхности. Толщина стенок 14 мм в нижней части кувшина, близ дна, в расширенной части туловища около 8 мм, в суженной части шейки 7 мм, а у края венчика — 9 мм. Обжиг не равномерный, произведён на костре. Верхняя половина второго такого же кувшина — с узким (10.4 см) горлышком, расширяющимся к верхнему краю (диам. 16.3 см), с широким туловом (29 см). Горлышко целого сосуда по верхнему краю было оклеено широкой (8 см) полоской очень тонкой кожи, а по тулову были наклеены шесть силу-

этных изображений петухов, вырезанных из более толстой кожи. Наклеены они были так, что три направлены в одну сторону и три — в обратную. Следовательно, одна пара петухов обращена друг к другу головами (рис. 6), а другая пара, на противоположной стороне кувшина, — хвостами. Гладкая

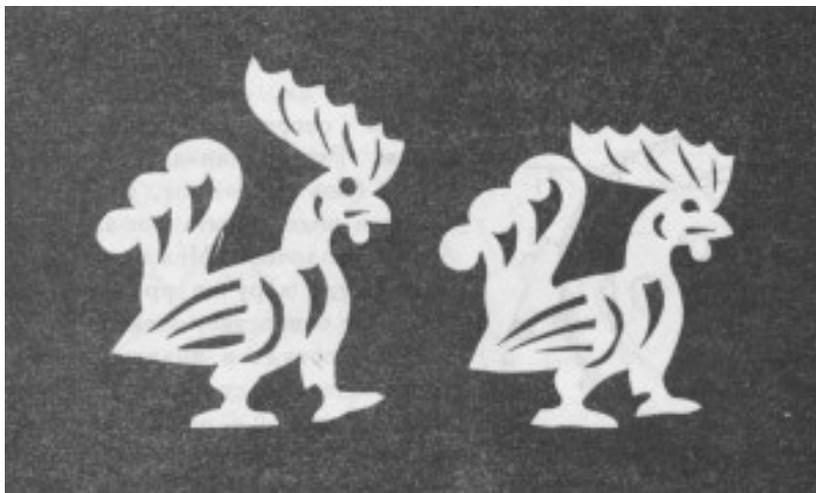

Рис. 7.
[Кожаные фигурки петухов.]

поверхность кожи наклеивалась на кувшин, мездряная же наружная поверхность была покрыта тонкой оловянной фольгой. Один из петухов в хвостовой части был повреждён и скреплён шерстяной ниткой двойным стежком. Все петухи (рис. 7) однотипны, но вырезаны не по трафарету, а каждый самостоятельно. Изображены они в позе шествующих один за другим, с одной слегка приподнятой лапой. Несмотря на известную условность в воспроизведении этой птицы, мастерски переданы характерные её особенности: головка с бородкой и гребнем, поднятый вверх «петушиный» хвост.

Рис. 8.
[Вырезанный из кожи цветок лотоса.]

Был ли оклеен какими-либо изображениями другой кувшин, нам неизвестно. Возможно, что его украшали вырезанные из кожи цветки лотоса, один из которых (рис. 8) найден вместе с черепками близ его горлышка, но возможно, что здесь были и такие же петухи, как на первом сосуде, так как среди обрывков кожи найдены незначительные фрагменты ещё двух кожаных петушков. Судя по горлышку и части тулова кувшина, найденного в кургане I, он был точно такого же типа, как и наши.

(23/24)

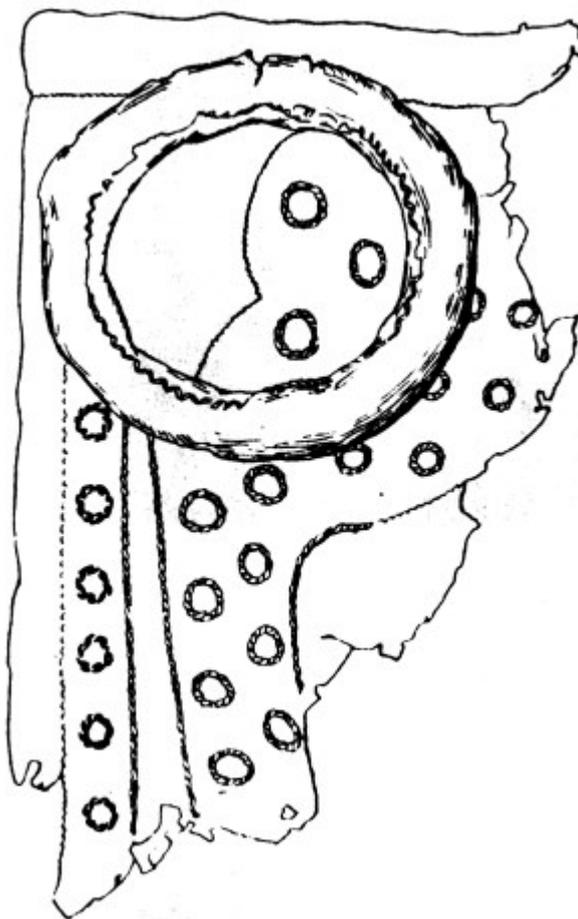
Ареал распространения кувшинов описанного типа нами пока не выяснен, и вне пределов Алтая таких точно кувшинов мы не знаем. Это, повидимому, была своя местная керамика оригинальной формы.

Деревянные сосуды, вырезанные из цельного дерева, двух типов. Один (табл. X, 3) в виде кружки (выс. 14.5 см, наиб. ширина 13-14 см) со слегка отогнутым кнаружи верхним краем; дно сферическое; ручка короткая, но высокая. Другой сосуд (табл. X, 1) почти шаровидной формы (выс. 13.5 см, наиб. диам. 15.5 см) с сильно отогнутым кнаружи верхним краем. Ручка длинная и на неё надет бычий (*Bostaurus*) рог, оформленный на конце в виде копыта лошади; ручка эта была позолочена. Между рогом и туловом сосуда в ручке прорезано широкое сквозное отверстие, очевидно для подвешивания сосуда в жилище или при перевозке. Первый сосуд вырезан из ствола дерева, второй — из нароста лиственницы. Внутренность обоих сосудов вырезалась при помощи специального резца с изогнутым лезвием.

Рис. 9.
[Войлочный коврик с пришитым кольцом,
подставка для сосуда. Схема.]

Форма этих деревянных сосудов со сферическим дном имеет многочисленные аналогии в золотых и серебряных сосудах, находимых в доскифских и поздних сарматских погребениях Предкавказья, [24] в скифских причерноморских, [25] в изображениях на ассирийских и персидских барельефах, [26] что указывает на широкое вообще распространение в данную эпоху сосудов со сферическим дном.

До сих пор не ясен был вопрос, как ставились такие сосуды. Ещё в кургане I было найдено несколько войлочных и травяных колец, назначение которых не было понятно. Точно такие же войлочные кольца найдены и в данном кургане в качестве подставок под деревянные сосуды со сферическим дном (табл. X, 3). Кольца эти, высотой 2.5-3 см, свёрнуты из полос довольно толстого чёрного войлока и обшиты снаружи красным или чёрным тонким войлоком, простым швом, кручёными сухожильными или плетёными шерстяными нитками. Диаметр этих колец различен и зависит от диаметра сосудов, под которые они подкладывались (от 14 до 18.5 см). Как правило, такие кольца свободно подкладывались под сосуды, но иногда они пришивались к войлочному коврику. На рис. 9 дано схематическое изображение угла такого коврика из чёрного войлока с пришитым к нему

чёрным войлочным кольцом. Любопытно, что в данном случае внутри этого кольца стоял не сосуд со сферическим дном, а глиняный плоскодонный кувшин.

В отличие от кургана I, стены камеры данного кургана обтянуты были простым, не узорным, чёрным войлоком. В пазах между брёвнами стен войлок этот был закреплён остро заточенными деревянными колышками, бронзовыми стерженьками, а в одном случае — бронзовым гвоздём с широкой шляпкой.

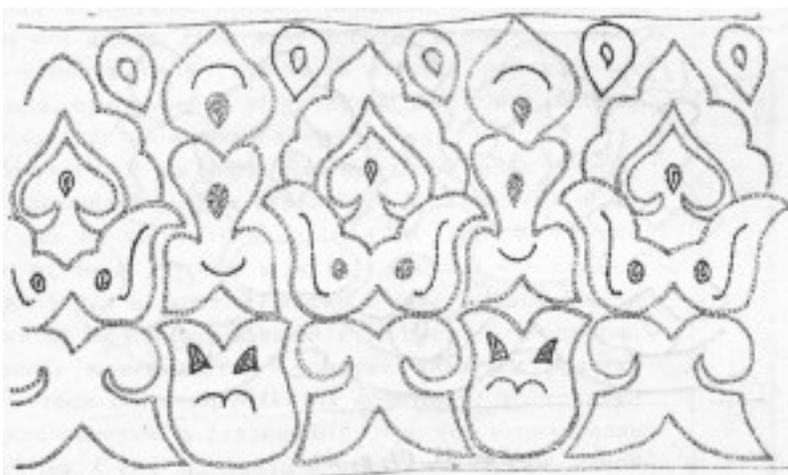

Рис. 10.
[Войлочный фриз.]

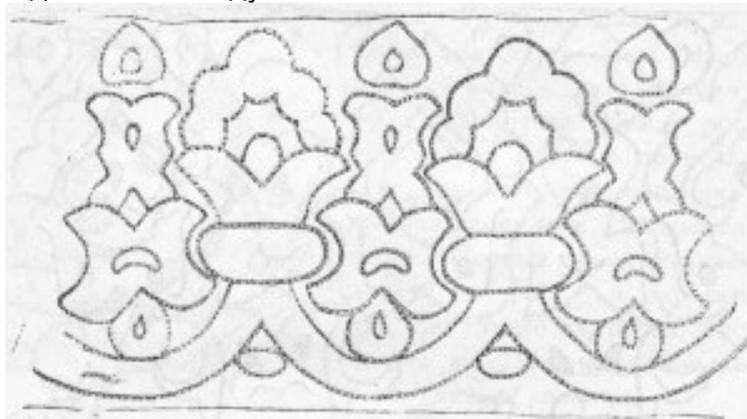
Между тем и в этом погребении найдены узорчатые войлочные фризы, части какого-то сложного, ещё не выясненного украшения. У конуса с мусором, под грабительским лазом, найдены куски войлочных фризов с многоцветными узорами из тонкого войлока, выполненными в технике аппликации.

Один из них (рис. 10 и табл. XI) — полоса тонкого (около 1 мм толщ., шириною 13.5 см) белого, от времени побуревшего войлока, на которую нашит узор из ещё более тонкого разноцветного войлока. Аппликации закреплены разноцветными кручёными шерстяными нитками, оконтуривающими отдельные фигуры орнамента. Местами такими же нитками вышиты детали узора. Шов либо простой, либо двойной, типа тамбурного. Мотив орнамента растительный, стилизованный, но в нём различим ряд вполне определённых элементов. Крупные центральные фигуры: цветы лотоса с лепестками чашечки и пестиком. Промежуточные фигуры — чашечка «лилии» с её бутоном наверху. Вверху, между этими мотивами, бутоны, внизу ровный одноцветный борт. Отдельные элементы, в общем сложного орнамента, различных, чередующихся цветов яркокрасного, кирпичного, синего, зелёного и жёлтого. Цвет нитей контурных и деталей рисунка: чёрный, жёлтый и

голубой. При многокрасочности узора, цвета отдельных его элементов подбирались так, чтобы не было двух одноцветных рядом находящихся фигур, ни в вертикальном, ни в горизонтальном направлениях. Если один из элементов рисунка условно я назвал лилией, то мотив лотоса не вызывает никаких сомнений.

Мотив лотоса имеется и на другом фризе (рис. 11 и табл. XII, 1). Узор здесь в основном состоит из тех же элементов, что и на первом фризе, но цветок лотоса не на подставках, а в «корзиночках», соединённых между собою

Рис. 11.
[Войлочный фриз.]

в одну сплошную гирлянду. Цвета аппликации данного фриза — оранжевый и красный по белому фону, узор оконтурен кручёной шерстяной ниткой жёлтого цвета.

Очень интересно и изящно силуэтное, вырезанное из кожи, изображение цветка лотоса, о котором упоминалось выше (рис. 8). И здесь мы имеем условное, но традиционное, видимо, вполне установившееся воспроизведение цветка этого растения.

Когда речь шла о лотосах в круглых бляхах конского убранства, я уже отмечал связь этого орнаментального мотива с переднеазиатским культурным миром. Только что описанные фризы и силуэтное изображение лотоса наталкивают нас ещё на ряд параллелей: в сходной композиции изображение этого священного для древнего населения Нила и Ганга растения мы знаем на египетских изображениях [27] на ассирийских рельефах, [28] а также рельефах Персеполя и Суз. [29]

На полу погребальной камеры, в её юго-восточном углу, вместе со щепками от бортов колоды найден железный нож. В расстоянии метра от него, между столиками, найдены ножны этого ножа. Нож плоский, с длинной ручкой (12.5 см), со сравнительно коротким (7.5 см) лезвием (конец обломан) и с небольшим отверстием у слегка расширенного края ручки. При ширине ножа в среднем 1.4 см, ширина его массивной спинки 0.6 см;

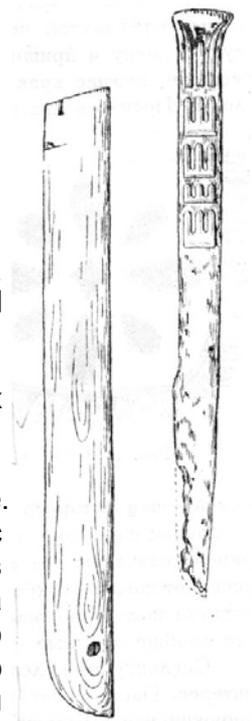

Рис. 12.
[Деревянные ножны железного ножа.]

толщина края ручки на стороне лезвия всего около 0.3 см. Верхняя половина ручки, как это видно на рис. 12, с обеих сторон покрыта узором из накладных золотых пластинок. Подобные ножи для эпохи раннего железа — находка обычная, деревянный же футляр или ножны такого ножа найдены впервые. Ножны (рис. 12) вырезаны из целого дерева так, что только с одной стороны имеется глубокий вырез для вкладывающегося в них ножа, и сделан он с таким расчётом, чтобы часть ручки была видна. В нижнем, закруглённом, конце ручки проделано отверстие, в которое продет ремешок с узелком на одном его конце. Нож этот носился в ножнах, вероятно, у пояса и пристёгивался к нему при помощи ремешка, продетого в ушко ручки ножа и ремешка, укреплённого на нижнем конце ножен.

Молоток из рога благородного оленя (табл. XXII, 2) найден между столиками со львиными ножками, но не на полу камеры, а во льду, на высоте 12 см от пола. Отсюда можно заключить, что раньше он находился в другом месте и был брошен грабителями на лёд, покрывавший в то время пол камеры. Ударною поверхностью молотка является розетка рога; ствол рога обрублен на некотором расстоянии от края розетки, а глазничный отросток использован как ручка. Судя по данным этнографическим, такой молоток мог употребляться при обработке кож или при плющении листового золота или олова.

В восточной, головной, части колоды, у её южной стенки лежала деревянная «подушка» такой же овальной формы, как и найденная в кургане I, с легким перехватом посередине (17.5×36 см, выс. 8 см). Грубо obtёсанная, она была зашита в своеобразную «наволочку», части которой найдены там же, в колоде. Низ и бока подушки были обшиты гладкой, хорошо выделанной кожей, верх же, судя по остаткам замши, был покрыт сложной аппликацией из кожи. Продольные боковые полосы украшены по углам аппликацией в виде крупных розеток (рис. 13).

Кожаные и меховые изделия.

В погребальной камере найдено большое количество различных сумок и кошельков из кожи, сумка из кожи с мехом, и меховые сумки. Ниже даётся краткое описание наиболее интересных.

Самая большая сума (25×30 см) из тонкой, прекрасно выделанной кожи

типа перемётной (рис. 14), лежала в изголовье, на дне восточной части колоды. В ней находились серебряное зеркало, железная вилочка, кожаные сумочки и кошельки, о которых речь будет ниже. Жёсткая часть этой сумы — деревянная палочка, через которую перекинута две равные половины сумы, с объёмистыми внутренними карманами. Концы этой жёсткой основы — палочки, выступающие наружу, оформлены в виде скульптурных кошачьих (львиных) головок. При прямом верхнем крае этой двойной сумы, перекинутой через упомянутую палочку и пришитой к ней ремешком, нижние края сумы закруглены. Носилась она на ремне, широкий конец которого разрезан на три полосы; две крайние закреплены на концах палочки — основы у львиных головок, а средний промежуточный ремень свободен. На его конце была укреплена какая-то деревянная подвеска, от которой сохранилась только часть ушка. Сума выкроена из цельного лоскута кожи с боковыми вставками и сшита сухожильными нитками, как и все вообще кожаные и меховые вещи, о которых речь будет ниже.

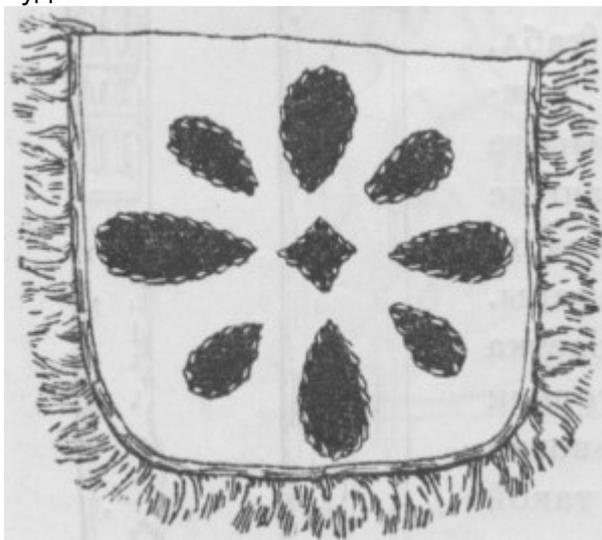

Рис. 13. (1/2 н.в.).

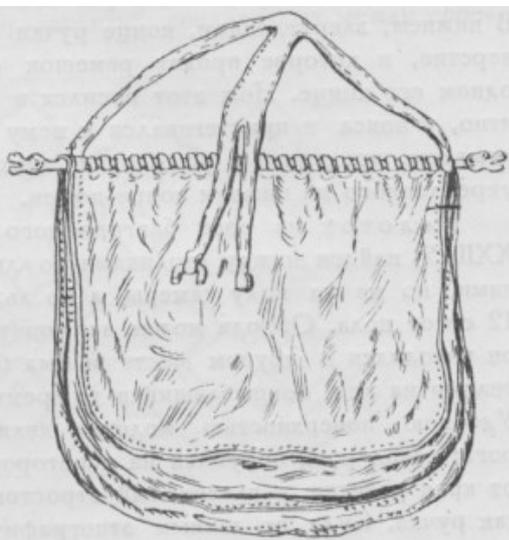

Рис. 14. (1/5 н.в.). [Кожаная сума]

Скульптурные львиные головки (табл. XX, 2) представляют особый интерес. Пасть у них приоткрыта; верхняя губа в традиционных складках; широкий нос и большие уши; конец мордочки в мягких, нарочито округлых формах. Подобные львиные головки мы знаем из Литого кургана, в браслетах из Суз и из Амударьинского клада. [30]

Среди вещей, находившихся в только что описанной суме, замечательны по изяществу и тонкости выполнения кожаные сумочка и фляжка с узорчатой кожаной аппликацией.

Прямоугольная (13.5×23 см) плоская сумочка (табл. XIII) сшита из лоскута замши, обшито по краю узорчатой аппликацией из плотной кожи и с таким же карманом посередине. Карман этот пришит к замшевой основе только с трёх сторон, верхняя свободна. Правая расширенная часть кармана

выпуклая, чем увеличивается его вместимость. Первоначальный цвет замши был палевый, кожаной аппликации — тёмновишнёвый. Узорчатая кожаная аппликация нашита тончайшими сухожильными нитками поразительно мелким стежком; на один сантиметр приходится в среднем 15 стежков. Мотив узора аппликации растительный, лотосовидный. Фигура, ритмично повторяющаяся по борту, подобна вырезанному из кожи цветку лотоса, описанному ранее (рис. 8). Пара цветков лотоса и на кармане, различных по размерам, соответственно форме кармана. Любопытно, что головной, правый цветок, больших размеров, изображён лепестками кверху, а второй, левый, меньших размеров — книзу. И тот, и другой — внутри общей спирали. Здесь, в этом растительном орнаменте, применён один из характерных для звериного орнамента приёмов изображения животного с вывернутым задом. Сумка эта, повидимому, была туалетной принадлежностью для хранения ювелирных или каких-то других женских украшений.

В той же технике и стиле выполнена и кожаная бутылочка или фляга (табл. XIV, 2). Размер её довольно большой (21.5 см), с маленьким круглым

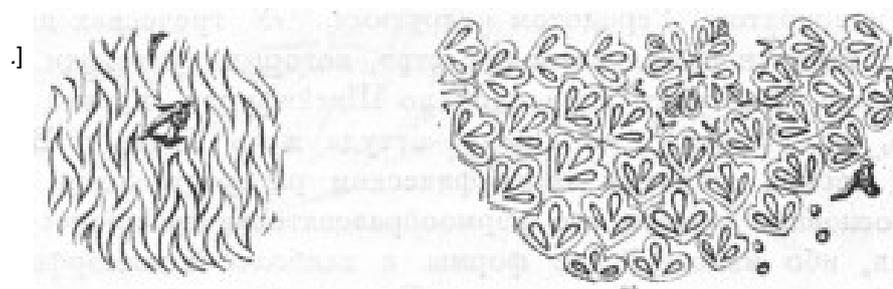

Рис. 15. (1/2 н.в.). [Кожаный кошелёк, детали

(3 см диам.) доньшком и столь же узким горлышком. Фляга сшита из четырёх полос, двух пошире и двух уже, с одним и тем же орнаментом. Основа фляги замшевая, и на неё нашит узор из тонкой, превосходно выделанной кожи коричнево-красного цвета. Мотив узора на фляге, при ряде общих элементов, несколько отличается от узора сумки (табл. XIII). Лироподобные фигуры, разделённые рядами кружков, дополнены стилизованными цветками. Фляга эта, судя по материалу, из которого она сшита, хотя и с очень плотными, непроницаемыми для жидкости, швами, вряд ли предназначалась для хранения жидкости. Вероятнее всего в ней хранились семена или корни трав, которые найдены в других кожаных мешочках.

Оригинален кожаный кошелёк полушаровидной формы, в виде осинового гнезда, с крышечкой (табл. XV, 1), хранившийся в той же большой суме, вместе с перечисленными выше другими предметами. Сшит он из цельного куска толстой кожи. При плоском донце (диам. 5.5 см) горлышко этого полушаровидного кошелька узкое, всего около 1.5 см. Полушаровидная крышечка плотно закрывает его целиком. В центре донца ременная петелька — ушко, за которое держался кошелёк, когда приподнималась крышечка.

В кожаной стенке — шарнире крышки — имеются отверстия и остатки ремешков, которыми кошелек к чему-то привязывался. Донце и крышка покрыты врезным орнаментом, донце — рядами разнообразных волнистых линий, крышечка — трёхлепестковыми листиками (рис. 15), внутри которых были наклеены вставленные в прорези золотые пластинки. Кошелек был наполнен семенами посевного кориандра.

Семена посевного кориандра (*Coriandrum sativum*) найдены в большом количестве и в простых кожаных мешочках как в погребальной камере, так и в колоде. Нахождение семян этого растения в скифское время на Алтае высокозначительно. Род *Coriandrum*, по данным Всесоюзного Института растениеводства, полученным через Е.Н. Синскую, в древности был приурочен к восточному Средиземноморью, Египту и Малой Азии, откуда он распространился потом и в Индию. Это одно из древнейших культурных растений, сохранившихся до наших дней. В древности кориандр был известен, главным образом, как лекарственное и как пряное растение. Плоды кориандра обнаружены в египетских гробницах различного времени, начиная с XII династии. [31] В числе лекарственных растений кориандр упоминается Гомером, Гиппократом, Геродотом и другими. [32] У греческих писателей он упоминается также и как ядовитое средство, которым кудесники пользуются при волшебстве. В Египет кориандр, по Швейнфурту, проник из Сирии, а в Индию, по Лауферу, из Ирана, оттуда же в Китай. [33] В настоящее время, при весьма широком географическом распространении кориандра, одним из основных очагов его формообразовательного процесса является Малая Азия, ибо малоазийские формы и наиболее полиморфны и более «культурны» по сравнению с другими. Они особенно богаты содержанием эфирного масла (0.8-11,1%), ценность же кориандрового эфирного масла определяется содержанием в нем спирта — линалаола, количественно выражающегося в 90-92%.

Чуждый флоре Алтая, кориандр и его семена могли проникнуть туда только с юга, в результате торговых и других сношений с Передней Азией. В камере, посреди мусора, попавшего в камеру через грабительский лаз, вместе с обрывками тканей и обломками других предметов найдена удивительная по красоте и изяществу оформления кожаная сумка с клапаном. Одна сторона этой сумки сильно повреждена, но без труда удалось целиком восстановить и её форму и разнообразные её украшения (табл. XVI). Сумка эта, с внутренним кожаным карманом, прикрыта наружным клапаном. По верхнему её краю нашита полоса кожи с вырезанным на ней орнаментом. Карман сумочки больше её размеров при опущенном клапане, поэтому его верхняя свободная часть сложена вдвое (рис. 16). Для того чтобы попасть в этот карман, надо приподнять клапан, а затем отогнутую книзу верхнюю часть сравнительно узкого горлышка (9 см шир.), после чего уже свободно можно вынимать из кармана его содержимое. Кожаный клапан снаружи покрыт мехом леопарда, а по бортику нашита полоска из тонкого фетра, выкрашенного в красный цвет. Поверх фетровой полоски были нашиты

медные, покрытые золотым листком, уточки, найденные в различных местах неподалеку от сумки. Места их прикрепления на цветной полоске все хорошо различимы по остаткам сухожильных ниток. Внизу под специальным фигурным, вырезанным из шкурки с волосом, ушком проделано отверстие для ремешка, заплетённого на конце в три полоски. С помощью этого ремешка клапан привязывался к сумке.

Миниатюрные фигурки уток с приподнятыми крыльями и повернутой назад головой (рис. 17, а) состоят из двух штампованных из меди пластинок,

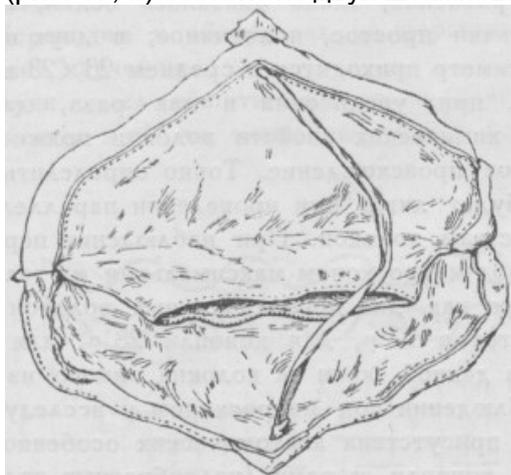

Рис. 16. (1/3 н.в.). [Карман кожаной сумочки.]

Рис. 17. (Н.в.). [а — миниатюрные фигурки уток]

связанных особой пастой, по определению В.Н. Кононова — смолой. Снаружи с обеих сторон они покрыты золотым листком и могли, по желанию, нашиваться на предметы, которые они украшали, той или другой стороной. Этот мотив утки или гуся с повернутой назад головой к этому времени получил широкое распространение. С ним мы встречаемся и к северо-востоку от Алтая, и на Алтае, и у западных европейских скифов, с точно такой же трактовкой, и в Амударьинском кладе и в Передней Азии. [34]

Кроме только что описанных изысканной работы сумок и кошельков, имеются и совсем простые кожаные, и малые и большие, в которых хранились различные травы, по всей вероятности — лекарственные. Изображение одного из таких кошельков, в котором, кстати сказать, хранилась чёрная краска, та же, какой была выкрашена, как увидим ниже, привесная борода, дано на табл. XV, 2. Меховой мешок полукруглой формы (размер 20×27 см, табл. XV, 4), сшитый из двух лоскутов собольего меха; одна сторона из цельных шкурок более тёмного цвета, другая — из небольших прямоугольных кусочков более светлого.

Ткани.

Ни одного цельного предмета из тканей не сохранилось, но более или менее значительные её куски дают представление о материале и технике ткацкого производства. Анализ материала тканей, красителей и техники производства тканей выполнен В.Н. Кононовым, и сообщённые им данные приводятся ниже. Анализ переплетения тканей выполнен А.С. Верховской.

Среди фрагментов тканей имелись два лоскута серого цвета. После того как с них были удалены загрязнения, ткань оказалась белой, некрашеной. Переплетение в этой ткани простое, полотняное; в двух направлениях на один квадратный сантиметр приходится в среднем 23×23 нитей. Позитив — фото-проекция ткани, при увеличении в два раза, дан на табл. XVII, 1. При определении химических свойств волокон пряжи этой ткани установлено их растительное происхождение. Точно определить производящее растение возможно будет лишь при проведении параллельных испытаний аналогичных по свойствам волокон. При наблюдении первоначальных волокон из этой ткани под микроскопом максимальная их толщина определяется в 25 μ (микрон). Так как для первоначальных волокон льна максимальная толщина принимается в 17 μ, для конопли 28 μ, для рами 30-40 μ, то считать волокна из данной ткани за волокна одного из этих растений нет оснований. При наблюдении под микроскопом у исследуемых волокон не удалось обнаружить присутствия анатомических особенностей, характерных для волокон льна, конопли и рами (узлообразные вздутия, утолщения, поперечные сдвиги). По толщине волокна эти ближе всего сродны с волокнами кендыря, у которого толщина волокон в среднем равняется 20-25 μ.

Волокна пряжи других обследованных образцов тканей, фетра (в частности с седельных покрышек), кружевного чехла с косы — шерсть, по всем признакам — овечья, и притом шерсть исключительно из пуха. Остевые волосы с пухом (грубая шерсть) найдены только в нитях основы многоцветной ткани боковых полос «дорожек». Под микроскопом обследованы волокна пряжи основы и утка всех типов тканей. Найден только пух, а максимальная толщина шерстинок только в редких случаях доходит до 50 μ. Главную массу шерсти составляют шерстинки толщиной от 12 μ до 27, а в некоторых нитях толщина шерстинок не превосходит 14 μ.

В конском захоронении найдена тонкая прямоугольная (8×53.5 см) дощечка, назначение которой не выяснено, обтянутая овечьей шкуркой с длинным белым руном. Обследование шерсти из этого меха показало, что она состоит исключительно из пуха, толщина шерстинок которого колеблется от 10 μ до 14 μ.

Таким образом, шерсть, употреблявшаяся для тканей и фетра, состояла только из пуха; малый диаметр его шерстинок, форма чешуек шерстинок, схватывание ими коркового слоя и налегание их друг на друга — всё ока-

залось аналогичным с пухом лучших культурных пород овец, дающих благородные шерсти, с шерстинками толщиной от 11 μ до 26 μ .

Качество шерсти в фетре и наличие упомянутой выше шкурки тонкорунной овцы с несомненностью указывают на то, что шерстяные ткани изготовлялись на месте, из местного сырья. Состояние обследованной шерсти даёт полную возможность на основании структуры шерстинок провести в дальнейшем сравнительное исследование по шерсти различных пород овец и, возможно, составить характеристику той породы животных, от которых получена шерсть для производства тканей, найденных при раскопках.

Переходим к обзору тех из шерстяных тканей, образцы которых подверглись изучению.

Луки сёдел обшиты лоскутами красной ткани линзовидной формы. Фрагменты этой же ткани найдены в погребальной камере. Сохранность её хорошая, пряжа — шерсть. Переплетение простое, полотняное. Число ниток на 1 кв.см в двух направлениях 17×11 (среднее). Прилагаемая фотопроекция в позитиве (табл. XVII, 2) увеличена вдвое.

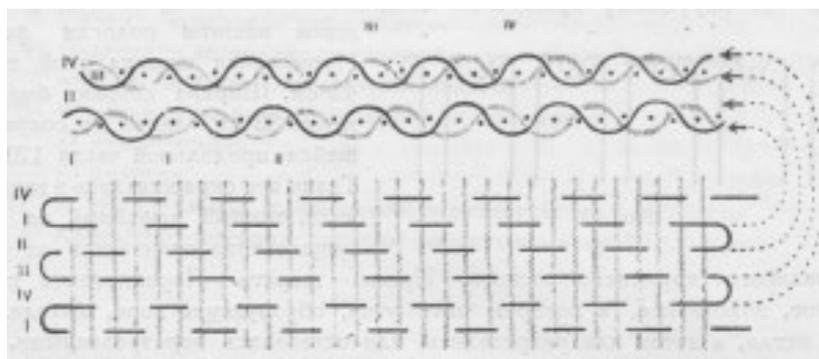

Рис. 18. [*Схема переплетения ткани*]

В погребальной камере найдены две полосы: одна длиной 2.7 м (в колоде) и другая 2.5 м (вне колоды), обе шириною 15 см, плотной, красной ткани; пряжа — шерсть; на концах подрублены шерстяными нитками. Первоначальная окраска этих «дорожек» в значительной степени потеряла свою яркость. Переплетение ткани — саржевое (киперное). Схема переплетения дана на рис. 18; нити основы показаны светлыми, а уток — чёрными. Рисунок на ткани повторяется в виде диагональных рубчиков четырьмя нитями утка, которые на чертеже отмечены римскими цифрами. На чертеже дан поперечный разрез ткани, где нити основы обозначены чёрными точками. Ткань двухсторонняя. Нити утка плотно прибиты друг к другу так, что нитей основы совершенно не видно; это создает особую прочность ткани. На табл. XVII, 3 ткань увеличена в два раза.

На табл. XVII, 4, дано увеличенное вдвое изображение подобной же, но менее плотной красной ткани с диагональным рисунком, из погребальной камеры. Первоначальная её окраска значительно потеряла свою яркость. Пряжа — шерсть. Переплетение такое же, как и у предыдущего образца ткани (саржевое), но нити утка частью плотно прибиты друг к другу так, что нитей основы не видно, а частью между ними имеются промежутки, через которые видны нити основы. Такое расположение создаёт своеобразный рисунок.

Точно такое же, как и у двух предыдущих (саржевое) переплетение оказалось и у зелёной шерстяной ткани из погребальной камеры.

Ранее уже упоминалось о мохнатом коврике, значительные по размерам лоскуты которого обнаружены на дне колоды. Судя по фрагментам подобной же ткани, в камере таких ковриков было по крайней мере два, с цельными и разрезанными петлями ворса. Коврики эти были прямоугольной формы, сшитые из широких (42 см) полос внутри и узких (29 см) по краям. По наружному краю и по соединительным между полосами ткани

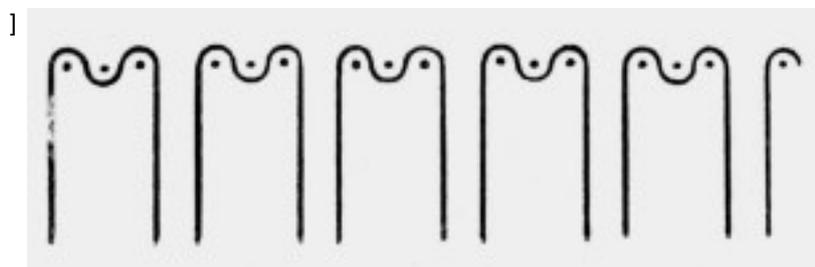

Рис. 19. [*Схема переплетения ткани в поперечном разрезе.*

швам нашиты полоски фетра. Нормальная ширина этой ткани 42 см. Ширина коврика была не менее 82 см, длина же сохранившейся продольной части 120 см. Ткань эта окрашивалась в готовом виде, тёмный кофейный её цвет существенно отличается от первоначального коричнево-красного. Пряжа — шерсть. Переплетение ткани простое, полотняное, в котором нити утка, образующие ворс, выходили в виде петли, а затем или разрезались, или оставались неразрезанными. На рис. 19 дана схема переплетения ткани в поперечном разрезе, где нити основы показаны точками. Между нитями ворса имеются промежутки из тонких нитей утка, число которых достигает 30.

Длинные полосы плотной красной ткани, которые мы выше описали как «дорожки», по краям обшиты сравнительно узкими (9.5 см) полосками ткани с многоцветным орнаментальным ритмическим рисунком в двух вариантах, сравнительно мелкого и более крупного рисунка. Ткань эта, повидимому, ценилась и грабителями, которые оставили полосы плотной, красной ткани, а пришитые к ним полоски многоцветной ткани тщательно оборвали, так что остались сравнительно небольшие лоскуты. Переплетение в данной ткани простое, полотняное. Нити основы сравнительно крупные по диаметру, изготовлены из грубой некрашеной шерсти, состоящей из волоса и пуха. Нитями утка белыми (некрашенная шерсть), жёлтыми, красными, фиолетово-красными и синими выткан рисунок ритмичного орнамента (табл. XII, 2), сравнительно не крупный. Технику выполнения этого рисунка можно было бы назвать паласом или протогобеленом.

Помимо тканей, найдены нашитые на различные предметы, в частности на обувь, и в отдельных фрагментах, полосы (1-1.5 см шир.) плетёной шерстяной тесьмы, окрашенной в красный цвет.

Однако, помимо этого простого плетения, практиковалось и кружевное. Основная часть перерубленной женской косы была заключена в двойной кружевной чехол, окрашенный в яркокрасный цвет. Чехол состоит из двух цилиндрических вязаных сеток, на одном конце сведённых на конус и стянутых, вложенных одна в другую. Пряжа — шерсть. Первоначальная окраска потемнела. На прилагаемых фото-проекциях (в позитиве) можно видеть рисунок внутреннего чехла менее сложного плетения (табл. XVII, 5) и более сложный — наружного (табл. XVII, 6).

Для установления первоначальной расцветки окрашенной пряжи было произведено специальное её обследование, которое дало следующие результаты.

- 1) Белая — природная, некрашенная шерсть.
- 2) Жёлтая — в настоящее время изменившаяся в светлосерую.
- 3) Синяя — краситель типа индиго.
- 4) Зелёная — несколько потерявшая свою яркость, краситель по химическим свойствам аналогичен индиго.
- 5) Красная — красители пурпурин и ализарин:
 - а) яркокрасная,
 - б) красная,
 - в) тёмнокрасная, с фиолетовым оттенком.
- 6) Коричнево-красная — окраска «мохнатого ковра».

Одежда.

Грабители, как уже указывалось, в клочья разорвали одежду, снимая их с замёрзших трупов погребённых. Пока не будет полностью вскрыта камера и не будут обработаны фрагменты одежды, нельзя дать её точного описания.

С несомненностью выяснилось пока наличие одной очень богатой одежды, по покрою отчасти похожей на найденную В.В. Радловым в Катандинском кургане. [35] Это — широкая, но в отличие от катандинской не длинная, до колен, одежда с длинными и узкими декоративными рукавами, подобными тем, что у переднеазиатских кандис. [36] Нижнее отверстие рукавов нашей одежды (около 4.5 см диам.) такое узкое, что в них вряд ли возможно просунуть кисти рук.

Сшита эта одежда из прекрасно выделанного меха белки, шерстью внутрь, с наружной же стороны почти сплошь покрыта узорчатой аппликацией из тонкой кожи, технически выполненной так же как и на рассмотренных выше сумке и фляге (табл. XIII и XIV, 2). В промежутках между широкими узорными полосами аппликации мех прошит параллельными, на расстоянии 8 мм одна от другой, полосками сухожильной нити, сплошным стежком. Эта прошивка, с одной стороны, придаёт прочность этому нежному, ничем не

покрытому меху, и, с другой стороны, является своеобразным орнаментальным мотивом. Швы эти в определённых направлениях идут правильными, точно рассчитанными рядами, иногда встречаясь под некоторым углом.

Образцы художественной аппликации на этой одежде представлены на табл. XVIII. Основной мотив орнамента, украшающего эту одежду, — нечто вроде «петушиных гребешков», внутри которых нашита медная, крытая золотом, баранья головка в кольце. Мотив добавочного орнамента внизу — растительный, уже знакомый нам по цветной аппликации из фетра (табл. XI). По бортам она обшита сравнительно узкой полосой конского меха с опушкой из меха соболя и выдры, а по подолу широкой полосой конского меха. Никаких застёжек нет, и она накидывалась, повидимому, на плечи как русская душегрейка.

Одно целое с этой одеждой, судя по материалу, технике и орнаментации, составлял, повидимому, нагрудник — почти сплошная узорчатая кожаная аппликация поверх беличьего меха, с опушкой из меха выдры и соболя. Нагрудник этот, впрочем, как следует ещё не изучен.

Крайне интересны лоскуты меха черного и гнедого жеребька, сплошь покрытые вырезанными из кожи накладными узорчатыми ромбами (табл. XIX). Под каждым кожаным ромбом на мех нашивалось два треугольника из цветной (красной) тонкой кожи, и поверх них закреплялись кожаные узорчатые ромбы. Кожаные ромбы, в свою очередь, оклеивались такой же формы узорчатыми золотыми пластинками (табл. XIX). Имеем ли мы в этих фрагментах части одежды или другого какого-то предмета, пока не установлено.

Из головных уборов найдена только часть, задняя половина одного из них, выкроенная из плотного, довольно толстого (3 мм) коричневого войлока. Судя по покрою этой половины, головной убор был типа, распространённого в Скифии, с высоким верхом, круглыми и широкими полями сзади. Как украшения по нижнему краю полей, сухожильной ниткой примётаны непрерывным рядом, с промежутками в сантиметр, кожаные кружочки, крытые листовым золотом.

Имеются значительные куски трёх ременных поясов. Интересно, что все ременные пояса, для прочности или с орнаментальной целью, сплошь прошиты тонкой кручёной сухожильной нитью, стежками 1.5-2 мм один от другого, что даёт впечатление ткани.

Фрагмент пояса (55 см длины, 4.5 см ширины), конец которого представлен на табл. XX, 2, по краю обшит тройными стежками сухожильной нити, обёрнутой полоской оловянной фольги так, что стежок от стежка находился на расстоянии 4 мм. Наружная поверхность пояса покрыта накладным узором из ремennого жгутика, обшито как и края пояса, сухожильной нитью, обёрнутой полоской той же оловянной фольги. В ячейках узора, имеющих форму «запятой», и на конце пояса парой стежков, вверху и внизу, примётаны вырезанные из кожи «запяты», оклеенные золотыми пластинками. Мотив узора — гирлянда вьющегося растения,

Часть другого ремennого пояса (табл. XX, 1), технически выполненного также, как и описанный выше, найдена в нижней части конуса мусора, под грабительским лазом. Ремень простёган кручёной сухожильной нитью, края обшиты тройными стежками сухожильной нити, обёрнутой полоской оловянной фольги. Таким же способом выполнен и накладной узор. Орнамент — ромбы, внутри которых повторяющиеся комбинации из «запятых» и треугольников; по краям в полуромбах «подковки». Внутри ячеек (имеющих форму «запятых», треугольников и подковок), примётаны кусочки кожи, покрытые золотыми листками.

Особенность этого пояса — наличие серебряных орнаментальных блях и подвесных ремней. Один из этих ремней, узкий (13 мм), продет в отверстие внутри бляхи, у её нижнего края, и сквозь пояс, а другой, более широкий (ширина 24 мм, дл. 22 см), продет в специально прорезанное отверстие в поясе рядом с бляхой. И эти подвесные ремни прошиты сухожильной нитью и окаймлены такой же обшивкой, как основной ремень пояса. На закруглённом нижнем (наружном) конце широкого подвесного ремня небольшое круглое отверстие, а на конце второй узкой (внутренней) его половины — ремennая петля, продевающаяся в упомянутое выше отверстие. Ремни эти, несомненно, служили для подвешивания ножа в футляре или короткого меча, типа персидского акинака.

Вторая, точно такая же как и на поясе (табл. XX, 1), серебряная бляха, с таким же, но обратным, зеркальным, изображением и, вероятно, от того же пояса, найдена на дне колоды, в её средней части (табл. XX, 3). Бляхи эти заслуживают особенного внимания. Обе они (размером 43×46 мм) литые, с рельефным изображением сцены нападения льва на горного козла. По борту бляхи идёт ряд орнаментальных кружков с завитком; по углам — четыре круглых отверстия для закрепления на поясе, и внизу специальный прорез для продевания подвесного ремня. Горный козёл осажен на зад, передняя его нога приподнята. Лев присел на задние лапы, передние, как того требовала композиция, вскинуты вверх. Лев своей огромной пастью охватил мордочку козла — деталь, известная нам и по украшениям из кургана I. [37] Характерные особенности самца козла, помимо типичного для него строения тела, подчеркнуты характерной формой рогов с рядами колец. Изгиб шеи льва подчёркивается «ёлочкой», идущей с его темени, по шее и спине. Непропорционально большая голова льва, крайне выразительна. Разинутая пасть — с мощными складками, особенно на верхней губе, чётко и рельефно выполнен глаз, условно — бровь, уши небольшие, львиные. Мускулатура тела как козла, так и льва подчеркнута традиционным кружком и «полуподковками». Любопытно, что эти «полуподковки», кружки и «запятые» оконтурены местами хорошо различимым в лупу, верёвочным орнаментом, как бы подражанием нитяным контурам войлочных аппликаций. Рельефно отлитые бляхи эти окончательно отделаны чеканкой.

Помимо уже неоднократно отмеченных, сравнительно поздних приёмов условного обозначения форм и деталей тела животных (точки, запятые, полу-

подковки), на данных бляхах имеются пережитки и более древних приёмов. Ёлочку, идущую от головы льва через всё тело до конца хвоста, можно сопоставить с подобным же приёмом для обозначения шерсти на теле львов в ассирийских барельефах. [38] Поза льва с повёрнутой назад головой и выкинутыми вверх передними лапами аналогична той, какую мы видим на одной из золотых блях в изображении крылатого львиного грифона из Амударьинского клада. [39] Отметим, кстати, что и рога горного козла разделены на несколько секций поперечными кольцами, выполненными тем же приёмом, что и на рогах знаменитого козла, ручки серебряного сосуда из того же Амударьинского клада. [40]

Часть третьего ремня (43 см дл., 2.7 см шир.), также, вероятно, поясного (табл. XXI, 3), лишена особых украшений. На закруглённом его конце узкая и длинная петля для застёгивания. На расстоянии нескольких сантиметров от петли, близ нижнего края, в прорез продет узкий подвесной ремень.

Две пары обуви, из которых одна по частям была найдена в разных местах камеры, а другая, сравнительно хорошей сохранности, — в колоде, в её западной части, обе — женские полусапожки. Первые, более простые, но также изящно оформленные, были видимо на ногах женщины. В тех местах, где перерублены стопы ног женщины, перерублены и полусапожки. Передняя часть одного из этих сапожков найдена вместе с находящейся внутри него стопой женщины с отрубленной пяткой. Уцелевшая без повреждений одна из подошв и другие части дают возможность восстановить и покроя и форму этой обуви.

Это была мягкая с короткими, до колен, голенищами обувь на подошве из толстой (2 мм) и плотной, хорошо выделанной кожи. Наружная, нижняя, поверхность подошвы сплошь орнаментирована техникой резьбы по коже (табл. XIV, 1). Орнамент представляет собой дальнейшее развитие всё того же лотосовидного мотива; орнамент один и тот же как на передней расширенной части подошвы, так и на пяточной, более узкой. Головка, выкроенная из цельного куска сравнительно тёмной кожи, имеет шов только сзади и пришита к подошве толстыми сухожильными нитками, причём передняя её часть, носок, собрана в сборки. За счёт этой передней, гофрированной, части головки увеличивается размер сапожка. Верхняя поверхность головки гладкая. На высоте 5 см от подошвы она обшита красной шерстяной тесьмой (1.7 мм ширины), поверх которой, в свою очередь, пришиты меховые голенища из шкуры леопарда, волосом наружу. По верхнему краю этих прямых и коротких голенищ нашит узор (табл. XXII, 1), технически выполненный так же, как и на рассмотренных выше поясах: тонкие ремненные жгутики обёрнуты сухожильной ниткой, покрытой в свою очередь узенькими оловянными и золотыми полосками. Выше узора пришита верхним краем красная шерстяная тесьма, нижним свободным краем частично прикрывающая верхний край узора.

Вторая пара полусапожек таких же размеров, но несколько иного покроя и несравненно богаче оформлена. Кожаная подошва точно такой же формы,

как и у первых, но с наружной поверхности обшита красной шерстяной материей и обрамлена по краю двойной полоской сухожильной нити, толщиной около 1 мм. Между сухожильными нитями этого обрамления вшит, почти сплошным рядом, мелкий чёрный бисер. Бисер нанизан на тонкую кручёную сухожильную нить, которая, через каждые пять бисеринок, примётана к подошве. В передней половине подошвы и на пятке нашиты большие ромбы из сухожильных же нитей, разделённые, в свою очередь, на 25 и 16 маленьких ромбов, а в центре каждого из последних нашито по кристаллу пирита (табл. XXI, 1). Посредине, под сводом стопы, небольшой ромбик с одним кристаллом пирита в центре. Ромбы в узловых точках прикреплены к подошве тройным стежком.

Мы впервые встречаемся со столь необычным и оригинальным применением золотистых кубических кристаллов пирита (серный колчедан, FeS_2) в качестве украшения, подобного бусам. Для украшения этой пары полусапожек нужно было подобрать 84 кристалла совершенно одинаковых раз-

Рис. 20. (2/5 н.в.). [Орнамент обуви. Деталь]

меров. Это было, быть может, и не так трудно, учитывая, что пирит — одна из самых распространённых железных руд, повсюду встречающаяся на Алтае, как сопровождающая в кварцевых жилах золото, так и независимо от него. Кристаллы эти, следовательно, могли быть получены и как побочный продукт при добыче золота, и самостоятельно. Неясно только, каким способом могли быть высверлены в кристаллах те миниатюрные отверстия, при помощи которых они прикреплены к подошве. Твёрдость пирита довольно большая (6-6.3), и железным инструментом его не просверлить. Материал этот, кроме того, хрупок, и нужен был большой опыт, чтобы проделать в нём тонкие отверстия, тем более, что кристалл просверливался не посредине, а у рёбер граней. В каждом кристалле по два отверстия, причём сверлились они под тупым углом, с одной и другой грани, до встречи. Возможно, что для такого сверления применялся уже алмаз. Головки полусапожек из тонкой, выкрашенной в красный цвет кожи, такого же типа, как и в описанных выше, но вся их поверхность, как и голенищ, покрыта узором. Сзади, у пятки, сшиты только головки, голенища же, пришитые к головке, сзади не сшиты. Таким образом, эти полусапожки

представляют собой полуботинки, с короткими голенищами, прикрывающими только переднюю часть голени. Голенища — из такой же, как и головки, тонкой, прекрасно выделанной красной кожи, сплошь орнаментированные. По шву между головкой и голенищем вшита полоска красной шерстяной тесьмы, украшенной кожаными, крытыми листовым золотом, фигурками «улиток» или «уточек». Орнамент головки сбоку в развёрнутом виде представлен на рис. 20. Выполнен он в той же технике, что и орнамент на поясах, наложением сухожильной нити, обёрнутой узкой полоской оловянной фольги. Основной узор местами дополнен орнаментальными вырезами по коже. Орнамент головки с верхней стороны и в развёрнутом виде голенища представлен на рис. 21. Орнамент голенища выполнен так же, как на кожаной сумочке (табл. XIII), фляжке (табл. XIV, 2) и одежде (табл. XVIII). На замшевую основу нашита аппликация из красной тонко выделанной кожи. Орнамент этот состоит из троекратно повторяющихся в различных вариантах одних и тех же лотосовидных цветков, в сложных и изящных композициях.

Этот прекрасный образец бесподобного орнаментального искусства воплощает и всё совершенство данной техники, и блестящее проявление высокого художественного творчества, прошедшего длинный исторический путь в своём развитии.

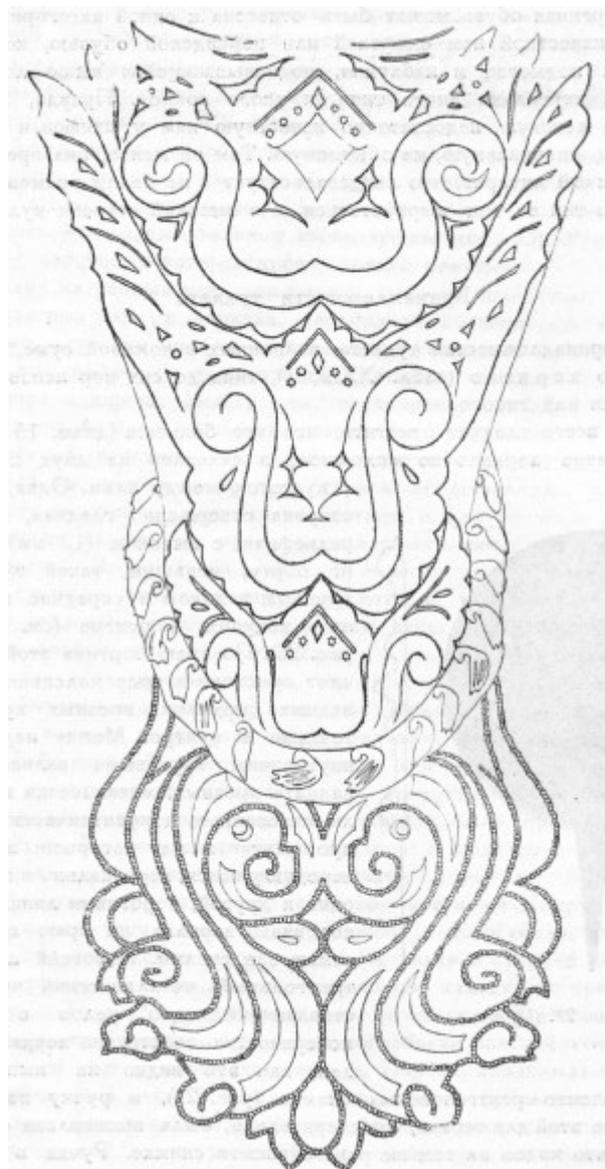
Вне всякого сомнения, как первая, так и вторая пара обуви принадлежала знатной женщине и, если первая была её повседневной, то вторая — нарядной, одевавшейся в исключительных случаях, обувью. Особо следует отметить то внимание, которое уделялось украшению подошв. Последнее имело смысл только при обычае сидеть сложив ноги с вывороченными пятками так, как это принято в кочевнической Азии и имело место в древности в Передней Азии. [41] К тому же, это было возможно только в том случае, если пол жилища был устлан коврами или мягким войлоком. И то и другое, очевидно, было принято в данном обществе.

Голенища парадных полусапожек наверху заканчиваются причудливой бахромой.

Совершенно такого же покроя, как эти полусапожки, и фетровые носочки. Сшиты они из двух кусков тонкого белого фетра. Подошвы точно такой же формы, как у сапожков. Выкроенная из цельного куска фетра головка сшита только сзади, у заостренного верху, очень короткого задника. Любопытно, что шов шёл не по середине пятки, а несколько сбоку, видимо, чтобы не тёр ногу. Спереди носок, как и в обуви, собран в сборки. Верхний выступающий из сапожка край фестончатый. Сшиты носочки мелким простым стежком, тонкими сухожильными нитками, всего тремя швами: один шов по краю подошвы, другой, короткий, на заднике и третий, сшивающий W-образный или дугообразный вырез в подъёме.

Одна пара носочков была найдена внутри нарядных полусапожек, другая в обрывках, как и простые полусапожки. Очевидно, что носочки не вынимались из полусапожек и надевались вместе с ними.

Рис. 21. (1/2 н.в.). [Орнамент обуви.]

Рассмотренная обувь может быть отнесена к одной категории с одновременной, известной нам скифской или персидской обувью, короткой и мягкой, без подметок и каблуков, подвязывающейся выше лодыжек. [42] Всё же она несколько иного типа, и иного покроя. Правда, здесь мы имеем обувь женскую, недостаточно известную нам у скифов и персов, и притом обувь специальную, не обыденную. Тем не менее, она представляет тот несомненный интерес, что свидетельствует о не малом времени, в течение которого тип её мог выработаться, и о высокой степени культуры её владельцев.

Принадлежности туалета.

Среди принадлежностей туалета, найденных в кожаной суме, особенно замечательно зеркало (табл. XXIII, 1), типа до сих пор неизвестного и впервые нами найденного.

Прежде всего следует отметить, что это большое (диам. 15 см) круглое серебряное зеркало не сплошное, а склепано из двух половинок, с пустотой между ними. Одна, лицевая, сторона совершенно гладкая, другая — рельефная, с высоким (12 мм) валиком по борту, меньшим, такой же формы, круглым валиком в середине и рельефным конусом в центре (см. профиль, рис. 22). По краю бортика этой стороны идёт орнамент в виде маленьких, выполненных циркулем, врезных кружков с точками в центре. Между наружным и внутренним круговыми валиками двенадцать врезных, механически по циркулю нанесённых концентрических кругов, промежутки между которыми заполнены чередующимися, вертикально и под углом одна к другой, короткими линиями. Обе половины зеркала по краю скреплены семью заклёпками. Короткий и плоский треугольный металлический черен, составляющий одно целое с гладкой поверхностью собственно зеркала, вставлен, как это видно на выполненном Т.Н. Сильченко рентгеновском снимке (рис. 22), в ручку из бычьего рога. В ручке этой для черена, предварительно, была высверлена специальная втулка, что видно на том же рентгеновском снимке. Ручка в поперечном сечении восьмигранная, со сглаженными рёбрами, при уплощённой, расширяющейся книзу форме.

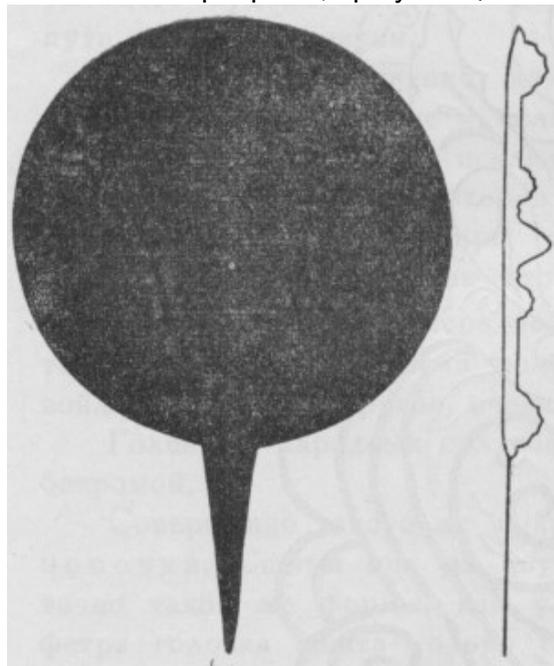

Рис. 22. (1/3 н.в.). [Зеркало.]

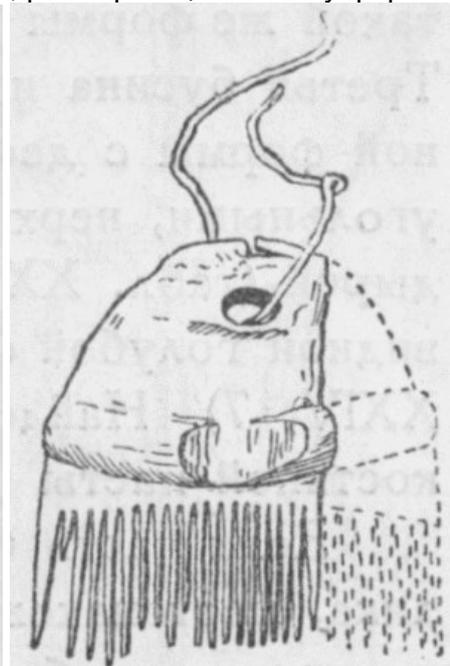

Рис. 23. (1/2 н.в.). [Гребень]

В той же суме, вместе с зеркалом хранилась и железная вилочка (табл. XXIII, 2). Каково назначение этого предмета, служила ли она вилкой для еды (что мало вероятно, так как её концы расходятся), имеем ли мы дело с головной шпилькой или с эмблемой стрелы, семантически связанной с зеркалом, — решить в настоящее время затрудняюсь. [43]

Гребень, часть которого обломана, найден на дне колоды, в западном ее конце. Сделан он из рога (или лошадиного копыта) и имеет неправильную дугообразную форму. Одна его сторона плоская, другая — с рельефным поперечным валиком выше зубцов (рис. 23). У верхнего края овальное отверстие, в которое продет тонкий ремешок.

Изделия из ценных металлов похищены почти полностью. Кроме серебряных поясных блях и зеркала, серебряной подвески, о которой речь будет ниже, случайно уцелели только два обломка золотых серёг. Один из них найден на дне колоды, другой в складке кожи на шее женщины. Между тем, несомненно, серьги носили и женщина и мужчина: отверстия для продевания серёг имеются в мочках и женской и мужской головы.

Первый из обломков золотой серьги представляет собою часть розетки с круглым отверстием в центре и с ячейками по наружному краю, заполненными синей и красной пастой. Второй (табл. XXIV, 2) — часть какой-то подвески с ушком, нижняя поверхность которой плоская, а верхняя разделена двумя полукруглыми перегородками на четыре ячейки, заполненные пастой.

Ценность этих фрагментов в том, что они указывают на бытование в данную эпоху на Алтае золотых ювелирных изделий с цветной перегородчатой эмалью. Классической страной инкрустированных ювелирных изделий был, как известно, династический Египет, хотя принципы увеличения декоративного эффекта при помощи цветных вставок были присущи и шумерским мастерам. В Ассирии золотые ювелирные изделия с цветной инкрустацией пока не известны, но явлениями того же порядка можно считать золотую инкрустацию по слоновой кости из Нимруда или глазированные кафли оттуда же, и из Ниневии и Хорсабада, как и в более позднее время персидские кафли Суз. [44] Оставляя в стороне золотой перстень с вставками цветных камней — случайную находку во время раскопок де-Сар-зека в Телло, [45] предположительно времени персидского господства, напомним находку браслетов в Сузах в погребении знатной женщины, доказывающих, что этот способ украшения в Персии продолжался и в ахеменидское время. [46] В связи с находкой подобных же браслетов в Амударьинском кладе, Дальтон, [47] подробно рассматривая вопрос о происхождении ювелирных изделий с инкрустацией в интересующих нас областях, пришёл к выводу, что это искусство развивалось не у племён Центральной Азии и не у западных скифов, а пришло к ним с юга из Персии, через персидских сатрапов

в Бактрии. Если это так, то вполне понятными станут как наличие такого рода изделий на Алтае, так и пути, по которым они туда могли проникнуть.

Бисер и бусы в погребении имеются в небольшом количестве, но очень разнообразны по материалу и форме. В грабительском лазе найдены две нити очень мелкого прозрачного стеклянного бисера вишнёвого цвета, а также три коротких нити непрозрачного чёрного стеклянного бисера, несколько крупнее. Нанизан он на тонкие шерстяные кручёные нитки. Нити с чёрными бусинками на концах завязаны узелком и, возможно, в таком виде на что-то нашивались (табл. XXIV, 1 и 5). Стеклянным же бисером, как мы видели, подшиты подошвы у нарядных женских полусапожек.

На дне колоды порознь найдены четыре различных по материалу и форме бусины, а на тонком ремешке пять однотипных. Среди них одна небольшая круглая стеклянная интенсивно-синего цвета (табл. XXIV, 3), другая такой же формы и размера, но голубая из стекловидной пасты (табл. XXIV, 4). Третья бусина из тёмнооранжевого сердолика, больших размеров, уплощённой формы с десятью (по пять с каждой стороны) гранями и двумя пятиугольными, верхней и нижней, площадками, с биконически высверленной дырой (табл. XXIV, 6). Четвёртая большая бочковидная бусина — из стекловидной голубой с синими прослойками пасты с красными ободками (табл. XXIV, 7). Найдены и простые цилиндрические бусы из прочной белой костяной пасты (табл. XXIV, 8).

Если часть бус могла изготавливаться на месте, например буса из сердолика, местонахождения которого имеются и на Алтае, или простые цилиндрические из белой пасты, то многоцветные бусины из стекловидной пасты: и бисер, по всей вероятности, привозные. Несмотря на разнообразие найденных типов, количество бус, по видимому, было мало, и они очень ценились.

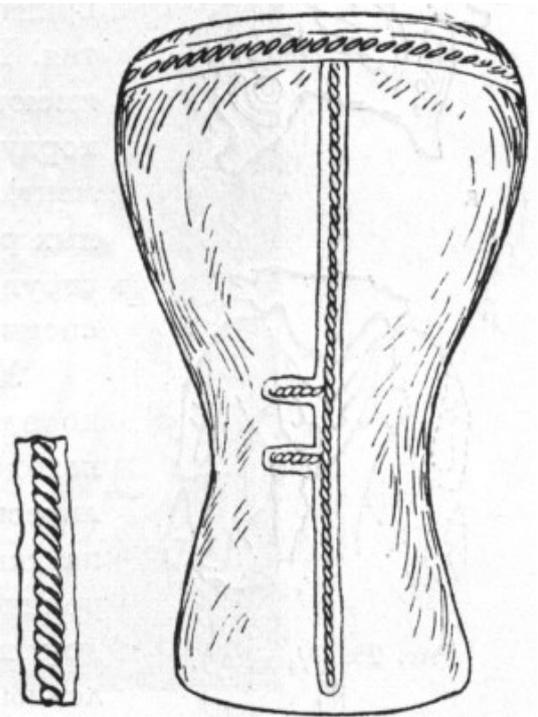
Предметы искусства ритуально-культового значения.

Огромное большинство описанных выше вещей в такой степени отражает высокую художественную культуру и мастерство в изобразительном искусстве, что кажется вполне логичным выделение какой-то категории предметов в специальный раздел искусства. В этой главе мы всё же, помимо музыкальных инструментов, имеем в виду описание вещей, либо таких, которые служили, не имея самостоятельного утилитарного назначения, для украшения каких-то, пока неизвестных нам предметов, либо таких, в которых нашла своё выражение идеология данного общества. Ряд общих замечаний по поводу художественного творчества вообще будет сделан в конце работы.

Музыкальные инструменты найдены в восточном секторе погребальной камеры; рядом с деревянными сосудами — роговой бубен — барабан, а к северу от столиков, на высоте около 60 см от пола, — резонансные корпуса двух струнных музыкальных инструментов.

Рис. 24. (1/3 н.в.).

Односторонний барабан высотой 18 см, диаметром 10 и 8 см в его расширенных, верхней и нижней, частях и 6 см в средней, суженной. Корпус составлен из двух гнутых пластин бычьего рога, края которых с рядами круглых (диам. около 1 мм) отверстий на месте швов, высверленных дрилем, заходят один за другой. На верхнем, более широком и загнутом внутрь, конце была натянута мембрана, наглухо прикреплённая таким же швом к самому краю. Все швы были замаскированы наклеенными на них узкими золотыми пластинками с верёвочным орнаментом (рис. 24). Мембрана не сохранилась, но следы от неё в виде узкой белой полосы на корпусе остались. Отделка барабана отличается особой тщательностью и изяществом. Своей бокаловидной формой и отчасти способом крепления мембраны этот инструмент близок к односторонним барабанам, такой же формы и конструкции, бытующим и поныне в Афганистане, Иране и Малой Азии.

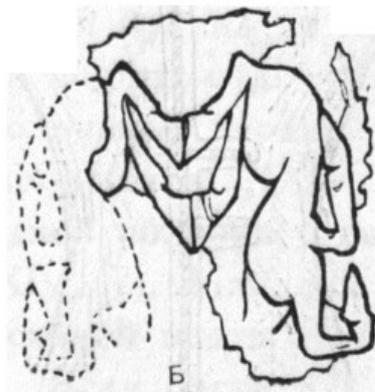

Резонансные корпуса струнных инструментов по типу совершенно одинаковы и выдолблены из куска цельного дерева (табл. XXIV, 10 и 11). Открытая часть корпуса, примерно на три четверти длины, затянута мембраной-декой из выделанной тонкой кожи. На деке три резонансных отверстия, два из которых расположены внизу и одно вверху. Дека укреплена на корпусе тонкими деревянными шпёнками. В нижней, выпуклой части корпуса, в центре, вырезан, в виде особого выступа, струнодержатель. Оба резонансных корпуса и кожаные мембраны-деки показывают превосходное качество выработки; на одном из них, на тыльной стороне, остались три врезных углубления, повидимому, от каких-то вставок-украшений. В месте перехода корпуса в шейку оба инструмента обломаны. По типу данные инструменты относятся к той же категории, что индийская саринга, казахский кобыз или марокканский ребаб; с последним их особенно сближает пустотелость шейки.

Отсутствие шейки и в особенности головки лишает возможности решить, были ли данные инструменты лютневого (тамбуровидного) типа, или представляли собой вид арфы. К.А. Вертков, которому я обязан описанием и анализом этих инструментов, склонен отнести их к типу лютневых. Помимо сильно вытянутой, лютнеобразной формы резонансного корпуса, а также конструкции струнодержателя, не вяжущихся с обычным представлением о резонансных корпусах и струнодержателях арф, к указанному выводу его приводит сопоставление с известными экземплярами древнеегипетских лютен и арф. [48] Отмечу, впрочем, что резонансные корпуса наших инстру-

А

Б

ментов, повидимому, аналогичны корпусам ассирийских арф, как они представлены на барельефах дворца Ашурнасирпала в Кальху. [49]

У одного экземпляра описываемых инструментов на струнодержателях уцелели обрывки сухожильных струн. Если считать, что каждая струна одним концом крепилась к струнодержателю, а другим — на головке, к вращающемуся колку или другому подобному ему приспособлению, то данный инструмент должен был иметь до шести струн. Многострунность подобного инструмента указывает на то, что музыкальная культура народности, которой он принадлежал, находилась на высокой ступени развития. Кроме того, как предполагает К.А. Вертков, имеются некоторые основания предполагать, что оба корпуса могли составлять сложный «парный» инструмент, имеющий одну общую головку и два обособленных резонансных корпуса, над которым проходили струны. Однако этот вопрос требует дальнейших специальных исследований.

Украшения. В различных местах камеры, вне колоды, в конусе мусора под грабительским лазом

находились по одиночке и по несколько вместе металлические украшения, нашивавшиеся на одежду или на какие-то другие предметы. Одни из них двусторонние, как изображения уток и львиного грифона, другие односторонние как геральдически сопоставленные пары животных.

Утки, которые были нашиты на одну из сумок, описаны выше. В той же технике, но в иной позе, дано изображение летящей птички (рис. 17, б).

Рис. 26. (1/2 н.в.).

Как и предыдущие, фигурка крылатого и рогатого львиного грифона (рис. 25, а) составлена из двух медных штампованных пластинок, скреплённых между собой смолой. Снаружи с обеих сторон она покрыта листовым золотом. Пасть льва открыта, типичный хвост, с кисточкой на конце, приподнят вверх. Вверх приподняты и крылья, концами направленными вперёд. На задней ноге рельефно выступает характерная комбинация «точки с полуподковкой», на передней — «запятые». Рога — с шариками на концах, как это принято на подобных персидских изображениях львиного грифона.

Среди деревянных подвесок узды и нагрудного ремня из кургана 1 имеются геральдически сопоставленные (грудь к груди) изображения оленей. [50] Подобные же изображения, но медные, найдены в камере и нашего кургана. Это, во-первых, медная штампованная, плохо сохранившаяся, пла-

(46/47)

стинка с изображением пары оленей с подогнутыми ногами и вывернутым задом (рис. 25, б) и, во-вторых, представляющая часть какой-то сложной композиции, пластинка с изображением двух оленей или баранов (рис. 26). У верхнего края этой пластины с одной стороны сохранился привязанный ремешком вырезанный из толстой кожи кусок крыла или какого-то другого кожного украшения.

Очень интересна штампованная медная, покрытая золотым листком, композиция из геральдически сопоставленных встречно фигур козлов (рис. 27), точнее передних половин этих животных. Головы козлов, с разинутым ртом, большими стилизованными ушами и круто загнутыми рогами, переданы, хотя и в условной манере, но достаточно выразительно, тела же, за исключением приподнятых ног, выполнены крайне схематично. Гривы, не свойственные этим животным, обрамляют их фигуры от ушей до нижнего края пластины и имеют декоративный характер.

Подобную же, но более полную и своеобразную композицию мы имеем и на другой медной штампованной, крытой золотом, пластине с изображением двух дерущихся орлиных грифонов (рис. 28). Передние лапы у этих ушастых, с гребнем орлиных грифонов, птицы, задние же — когтистые, львиные, как и вся задняя половина тела, с типичным загнутым на конце кошачьим хвостом. Обе фигуры изогнуты и поставлены клюв против клюва, когтистые лапы против таких же когтистых лап. Головы, уши, формы тела и мускулатура — всё передано в условной манере, включая «точки» и «полуподковки» на задней части тела. В том же своеобразном стиле передана и грива.

Уже при беглом ознакомлении с этими двумя пластинами ясно, что перед нами мотивы, прошедшие длительный путь исторического развития,

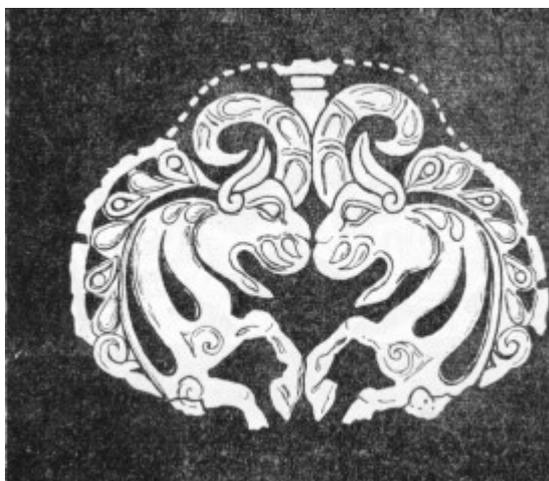

Рис. 27. (3/4 н.в.).

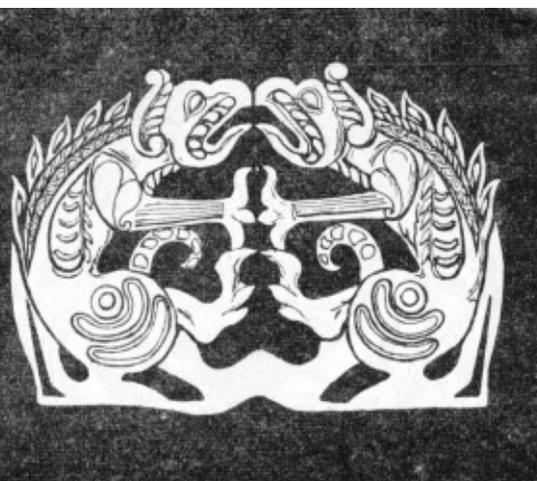

Рис. 28. (3/4 н.в.)

прежде чем они получили такое своеобразное стилистически строго выдержанное оформление.

Ближайшую аналогию последней пластине можно видеть в композиции дерущихся львов на нижней части золотых ножек из Литого кургана. [51] Эта необычная для искусства западных, причерноморских скифов композиция хорошо известна на древних переднеазиатских цилиндрах и печатях. [52]

В резком контрасте по стилю и технике выполнения с только что описанными пластинами находится серебряная подвеска с изображением лошади, найденная на дне колоды.

Подвеска эта состоит из двух склёпанных половинок, одной — рельефной, с изображением лошади (табл. XXIV, 9), другой — гладкой. Лошадь изображена с великолепной, реалистически выполненной, вытянутой вперёд с поджатыми ушами головой, и с вытянутыми вперёд ногами, как бы на прыжке. Грива подстрижена. Как и серебряные поясные бляхи, подвеска эта литая, с деталями, выполненными чеканкой. На крупе — нам уже хорошо известная «полуподковка». На заднем конце — ушко для подвешивания.

Из числа украшений, вырезанных из кожи, заслуживают внимания тетерев и лось.

Миниатюрная фигурка тетерева (концовка, стр. 60) схематична, но убедительно передана форма косачинового хвоста.

Более детально проработано изображение лося (рисунок на обложке). Вырезанная из толстой кожи фигурка лося представляет собою вылезающего из воды или снега самца; изображено туловище с головой и только одна передняя нога, согнутая в колене. Типична горбоносая голова зверя с огромными лопастными рогами, большим ухом и бородкой. Глаза, рот, нижняя

челюсть, борода и плечо даны в рельефе резьбой по коже. Преувеличенно большой головой и особенно рогами подчёркнуты типичные черты вида. На крупе вырезана характерная «полуподковка».

Наряду с лошадкой в серебряной подвеске и этот реалистически выполненный лось принадлежит работе одарённого мастера.

За бортом колоды в восточной части камеры найдена сильно повреждённая часть какого-то предмета из толстой кожи (табл. XXVI, 4). В этом лоскуте вырезано на коже фантастическое изображение двухголового горного барана, с закинутыми вперёд передними ногами, с телом в орлиных лапах. Лучшее из других частей сохранилась правая голова, левая же, симметрично расположенная, голова сохранилась хуже. Судя по отверстиям в верхней части этого предмета, он к чему-то был прикреплён.

Между колодой и конусом с мусором найден обрывок ременной полосы (6×53 см) с нашитыми на ней изображениями петухов. Каково назначение

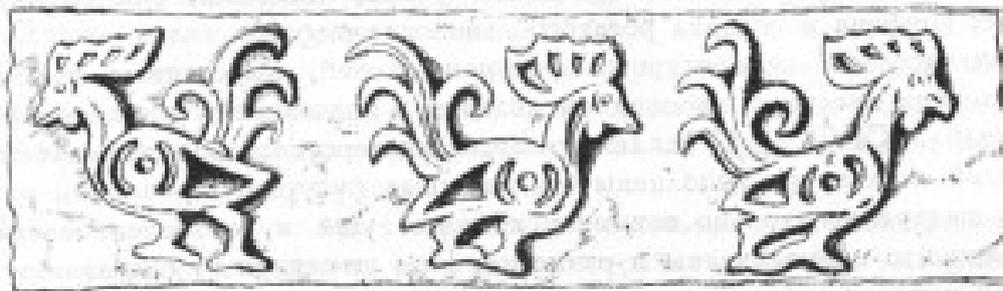

Рис. 29. (1/3 н.в.). [Фрагмент кожаного пояса.]

этой полосы, неизвестно. Была ли это перевязь или околыш головного убора (диадемы) — мы не знаем. Главная её ценность в изображениях петушков (рис. 29). Очень плотный, толстый ремень с одной стороны обшит очень тонкой кожей, поверх которой нашиты кручёной сухожильной ниткой фигурки петушков. Петушки вырезаны в низком рельефе из толстой кожи. Голова, ноги и хвост — резные, тело и гребень со сквозными орнаментальными прорезями. Стилистически они похожи на петухов, наклеенных на кувшин (рис. 7): та же поза, форма тела, голова и большой гребень с прорезями, только хвост распущен, и тело дано с прорезанными треугольниками, «точками» и «полуподковками». Нашиты петушки, как и наклеенные на кувшине, идущими в противоположных направлениях. Все петушки были покрыты листовым золотом прежде, чем были нашиты на ремень: там, где кусочки золота сохранились, они вместе с кожаными фигурками петушков прихвачены нитками при нашивке на ремень.

В восточной, головной части колоды, на её дне, также найден предмет, украшенный петушками, который, скорее всего, являлся диадемой. На войлочном, обтянутом тонкой кожей, жгуте (0.6 см диам.) прикреплены на расстоянии 1.5-2 см одна от другой фигурки петушков (табл. XXV, 2). Петушки вырезаны из толстой кожи, с головой, повернутой назад, с приподнятыми

кверху крыльями и хвостом. На одной из сторон этих фигурок, помимо силуэтного их оформления, детали (голова, крылья) выполнены резьбой. Нижняя часть кожи, служащая основанием фигурок, продольным прорезом расслоена на две половины. Половины эти, по нижнему краю фестончатые, с двух сторон охватывают жгут, на котором они закреплены сухожильными нитками. Таким же способом расслоены на две половины и крылья. В результате — из куска плоской, но толстой кожи получены скульптурные фигурки. Таких петушков накреплено на жгут общим числом девять. Все они идут один за другим в одном направлении. По нижнему краю диадемы уцелело три лоскута подвесок из собольего меха с мозаичным орнаментом на наружной их поверхности, составленным из кусочков белого и окрашенного в синий цвет меха, и из кусочков коричневой кожи, с меховой бахромой синего цвета. В колоде, в её восточном конце, под кожаной сумой, обнаружена серия деревянных, крытых золотом скульптурных фигурок, служивших, вполне возможно, также украшениями головного убора, диадемы: три оленя, два орлиных грифона и головка рогатого львиного грифона.

Замечательны скульптурные фигурки оленей, вырезанные из одного куска дерева вместе с шаровидной дольчатой подставкой, на которой они стоят (табл. XXVII, 1). С исключительным мастерством, вполне реалистично, в круглой скульптуре выполнены эти изящные фигурки. Пропорции их тела строго выдержаны, только вставные кожаные уши и, особенно, ветвистые рога нарочито преувеличены в размерах. Под шаровидным основанием этих фигурок имеется небольшая втулка, указывающая на то, что они на что-то насаживались. Фигурки оленей вместе с подставкой, уши и рога, все покрыто листовым золотом. Фигурки клеивались золотым листком до того, как вставлялись кожаные рога и уши. Судя по количеству найденных рогов (девять), таких фигурок оленя до ограбления могильника было больше, не три, а по крайней мере пять, вероятнее, шесть.

Фигурок грифонов, ушастых с гребнем, две (табл. XXVII, 3), но и их было больше, вероятно, четыре, так как там же найден обломок головки ещё одного такого же грифона. Это фигурки с небольшим схематически выполненным туловищем и непропорционально большой головой с типичным орлиным клювом, намеченной восковицей, острым хохолком, большими кожаными ушами и приставными же кожаными крыльями, приподнятыми кверху. Внизу втулка для насаживания фигурки. Способов крепления кожаных крыльев применено два: либо прикреплялись при помощи деревянного штифта, как это имеет место на табл. XXVII, 3,б, либо вставлялись в специальные прорезы на спине, как это видно на табл. XXVII, 3,а (крылья и уши здесь сняты). Обращает на себя внимание прорез в задней части обеих фигурок, вероятно, для приставного кожаного хвоста. И эти фигурки были целиком оклеены золотом прежде, чем вставлялись крылья и уши, также, в свою очередь, покрытые золотым листком. По пропорциям и стилю фигурки наших грифонов имеют много общего с бронзовыми грифонами, найденными В.В. Радловым на саркофаге-колоде Берельского кургана. [53]

Не меньший интерес представляет вырезанная из дерева, крытая золотом скульптурная голова рогатого львиного грифона. Она несколько повреждена, но это не мешает ее полному восстановлению. Головка (табл. XXVII, 2), со слегка приоткрытой пастью, небольшим носиком, с верхней губой в двух характерных складках. Фас плоский с высоким прямым лбом. Крупные, чётко вырезанные глаза не вполне симметричны. Хорошо моделирована нижняя челюсть. Большие уши с традиционным завитком у основания касаются низких рогов, с завитком и шариками на их концах. Судя по отверстию сзади, в срезе шеи, и эта головка на что-то насаживалась.

Ближайшую аналогию этой головке можно видеть в золотом лежащем львином грифоне из Амударьинского клада. [54] Как здесь, так и там головка выполнена в круглой скульптуре. Слегка приоткрытая пасть, маленький носик со складками на верхней губе, та же профилировка мордочки, такие же глаза, несколько более длинные рога с шариками на концах; острые уши с тем же характерным завитком у основания. Головка украшения из Амударьинского клада вычурная и претенциозная, что отчасти быть может зависит от материала и назначения всей фигурки. Тем не менее, обе эти головки происходят из одной и той же среды, должны быть близки и хронологически и являются выражением одних и тех же идеологических представлений.

Все только что описанные украшения найдены вместе и являются частью какого-то большого предмета, похищенного грабителями. Мы уже высказали предположение, что они могли быть украшением диадемы, подобной найденной в Новочеркасском клада. [55] Там, где в новочеркасской диадеме женский бюст из халцедона [кварца], у нас должна была помещаться голова грифона. Поверх повязки, подобно оленям, козлам и уточкам новочеркасской диадемы, у нас должны были быть закреплены олени и грифоны. Ободок, по которому были закреплены эти фигурки, был, по всей вероятности, из железа, или железными были штифтики, вставлявшиеся во втулки оснований фигурок: на втулках под оленьими шариками сохранилась прикипевшая к ним окись железа.

Любопытно, что при изготовлении фигурок оленей с их очень тонкими ножками, случались изломы. Одна такая ножка была тщательно забинтована по излому тончайшей сухожильной нитью, и после того уже оклеена листовым золотом.

Особое место занимают сложные композиции орлиных грифонов с оленьей головой в клюве. Таких композиций две. Первая (табл. XXV, 1), повидимому, судя по закреплённому в шее грифона ремешку, к чему-то была подвязана. Голова орлиного грифона на очень короткой шее, с оленьей головой в клюве, вырезана из одного куска дерева. Большой гребень и уши грифона кожаные. Вырезанные из толстой кожи, крылья посажены на короткой шее, у самого клюва. Уши и рога оленя также кожаные. От золота, которым была покрыта эта композиция, в частности крылья, остались только следы. Особенно оригинальны рога. Вырезаны они из толстой кожи в весьма

условной манере, причём каждый отросток рога представлен петушиной головкой на длинной шее. Глаз, клюв и гребень петушков рельефно оформлены, только с наружной поверхности рога, прорезью, задняя же поверхность рогов и петушиных головок — гладкая; петушиные головки двух глазных отростков рогов смотрят вверх, остальные вниз.

Этот своеобразный приём оформления отростков рогов оленя в виде птичьих головок, в скифской среде получил значительное распространение. Его мы видим на известной деревянной бляхе из Катандинского кургана на Алтае, [56] на знаменитой золотой пластинке из Акмечетского кургана, из более позднего кургана в Аксютинцах. [57] Однако этот приём не был обязательным.

Совсем иначе трактованы олени рога (табл. XXVI, 1) другой скульптурной головы оленя из нашего кургана, изображения которой мы не приводим.

Ещё проще они выполнены во второй композиции того же мотива: оленья голова в клюве орлиного грифона. Она исключительно оригинальна, крайне выразительна и смела как по замыслу, так и по выполнению. В этой композиции два самостоятельных, по смыслу равнозначных, мотива. Олень, собственно его голова, в клюве грифона, и гусь в когтях грифона же, изображены дважды, и всё это в одном предмете, вырезанном из одного куска дерева (табл. XXVIII, 1). Основная фигура — голова орлиного грифона на длинной шее с оленьей головой в клюве. Условно, но чрезвычайно выразительно, вырезана голова грифона с мощным красным клювом, большой, подчёркнутой восковицей и воротничком, выкрашенным в жёлтый цвет, с большими рельефно вырезанными зоркими глазами. Гребень, идущий от темени по длине всей шеи, и уши — кожаные. Скульптурно выполненная оленья голова хорошо моделирована, с бровями, выкрашенными в красный цвет. Уши и лопастные рога оленя — кожаные.

На плоской шее описанной основной фигуры грифона, с обеих сторон в низком рельефе вырезана одна и та же сцена: гусь в лапах орлиного грифона. Великолепные изображения гусей достаточно реалистичны. Переданы все наиболее характерные видовые особенности: короткая головка с явно гусиным клювом и высокой восковицей, крупные глаза, длинная шея; типично и тело с поджатыми крыльями и широкими гусиными лапами. Грифоны, как обычно, выполнены в значительной мере условно. Их тело плоско, намечено только контуром и не разделано; хвосты изображены схематично, веерообразно; более тщательно проработаны лапы, с их типичными орлиными «штанишками»; лапами грифон схватил гуся за голову и шею. Ещё более тщательно и любовно оформлены головки грифонов. Они приставные, выполнены в круглой скульптуре и своими выступами, симметрично направо и налево в верхней части шеи основной фигуры, придают всей композиции особый стиль. Смотрят они вниз на свои жертвы. Головки малых грифонов, как и основного, — с сильно изогнутым орлиным клювом, выкрашенным в красный цвет; восковицы и воротничок жёлтые. Над зоркими

орлиными глазами красные брови, в красный же цвет окрашен большой и длинный гребень и кожаные приставные уши. Крылья этих малых грифонов приставные, вырезанные из толстой кожи.

Всё за исключением голов грифонов, о которых ничего определённого сказать нельзя, покрыто листовым золотом.

Назначение этого, явно церемониального, предмета неясно, неизвестно пока и его первоначальное местонахождение. Найден он лежащим в головной части саркофага-колоды, в то время как, судя по обломанному его концу он был во что-то вставлен.

Несомненно одно — данная композиция имеет свой особый смысл. Не случайно, что в одном и том же погребении мотив — голова оленя в клюве орлиного грифона — повторён дважды. Аналогичный мотив — голова горного козла в пасти рогатого львиного грифона — известен по подвескам из кургана I и по одному из золотых браслетов работы иранских мастеров. [58] Напомним, что одна из конских масок кургана I представляет собою голову оленя в лапах львиного грифона. [59] В данном же кургане мотив конской маски — орлиный грифон, схвативший горного барана.

Есть ли это олицетворение победы, одержанной одной племенной группой над другою, где изображение животных не что иное, как изображение племенных тотемов, или это — проявление дуалистического мировоззрения, по которому голова оленя, козла или барана олицетворяет солнце — свет, а другая, грифона, — мрак, преисподнюю [60] это вопрос, требующий специального рассмотрения.

Вместе с зеркалом и другими предметами в суме оказался прямоугольный (6.7×8.4 см) кожаный мешочек. Сшит он из цельного куска тонкой кожи, сложенной вдвое (табл. XV, 3). Нижний край без шва, боковые сшиты мелким стежком кручёной сухожильной ниткой, а верхний редким стежком. У верхних углов в специально проколотые отверстия продеты завязанные узлом тонкие, но длинные ремешки, на которых этот мешочек носился, по всей вероятности — на шее. При вскрытии мешочка в нём оказался зашитым пучок тонких, чёрных волос, женские локоны.

Волосы эти по форме оказались существенно отличающимися от волос погребённых в кургане людей. Последние надлежащим образом ещё не изучены, мужское тело из камеры не извлечено, но ряд данных о них можно сообщить уже в настоящее время.

Физические особенности погребённых.

Головы погребённых, как уже указывалось, были отрублены грабителями и найдены отдельно от тел, вне саркофага-колоды. Тела женщины и мужчины обнаружены рядом с колодой в западной части камеры; стопы ног голени, кисть руки женщины — в разных частях камеры. Тело женщины оставлено на месте раскопок, головы же привезены в Ленинград и обследованы более подробно.

Женщина зрелого возраста, старше 40 лет, среднего роста, плотного телосложения, широкая в плечах, с хорошо развитой грудной клеткой. Обращают на себя внимание небольшие узкие, изящной формы кисти рук с длинными пальцами и узкими ногтями; относительно малые, изящные стопы ног с высоким подъёмом и сводом. Тело со светлой и гладкой кожей, без каких бы то ни было поверхностных патологических изменений и следов насильственной смерти. Для бальзамирования брюшная полость была взрезана от мечевидного отростка грудной клетки до низа живота. По извлечении внутренностей, она была заполнена крупно нарубленными стеблями и корнями растения (пока не определёнными) и зашита шнуром из чёрных конских волос. Сзади, от поясницы, на обеих ягодицах, бёдрах и голенях ног, кожа разрезана, часть мышц удалена, заменена травой вида осоки, и сшита конским волосом, так же как и на животе.

Головы, по извлечении их из кургана, были нами пропитаны спиртом и подсушены, но недостаточно. Для того чтобы предохранить их от разложения, необходимо было произвести их просушку. Влага из обоих объектов была почти полностью удалена и убиты гнилостные и другие бактерии. [61]

Затем черепа эти были обследованы Г.М. Иващенко в Стоматологическом отделе Военно-медицинской Академии и там с них сделаны рентгеновские снимки.

Мужская голова значительно повреждена. В черепной коробке огромный дефект теменной и затылочной костей, слева. Имелась, повидимому, посмертная трепанация черепа и позднейшее повреждение, нанесённое грабителями. Имеются переломы и смещения в правой теменной, височной и пирамидальной костях. В теменных костях клевцом или чеканом пробиты три отверстия, два в правой теменной кости и одно в левой. Округлая, но неправильная (11×16 мм) форма каждого отверстия указывает на то, что заострённый конец чекана был не круглый в поперечном сечении, а овальный. До обследования тела нельзя сказать, был ли мужчина убит этими ударами или до того были нанесены другие ранения и чеканом он был только добит. Следует отметить, что удары чеканом были направлены сзади и не в одном направлении, а под некоторым углом один к другому. На правом виске была рана, длиной около 3 см, которая тщательно зашита мелким стежком тонкой сухожильной ниткой. С убитого, повидимому, был снят скальп. Кожа спереди была надрезана над лбом от одного уха до другого, через выступающий вперёд мысик волос, и содрана назад. До погребения на место снятой была наложена другая кожа с волосами (не определена) и пришита спереди кручёным конским волосом; шов сохранился от правого уха до левого.

Волосы головы и бровей не сохранились, но на щеках и подбородке хорошо различимы жёсткие чёрные волосы, бритые за несколько дней до смерти. Любопытно, что под черепом найдена искусственная, подвязная борода (табл. XXIX) из волос, нашитая как бахрома на ремennую полосу с ремешками для подвязывания. Она была окрашена в интенсивно чёрный

цвет, так что краска заключалась в ней целыми кусками, после же промывки оказалась тёмнокаштановой.

Возраст мужчины от 50 до 60 лет, что следует из облитерации пульповой камеры и из резко выраженной стёртости фронтальных зубов, коронковая часть которых стёрта примерно на две трети своей прежней величины.

По своему типу мужчина — ярко выраженный монголоид. Большая, объёмистая мозговая коробка с черепным указателем около 83, крайне широкое (скуловой диаметр 153 мм) и плоское лицо, с сильно выступающими вперёд скуловыми костями; вдавленное переносье при значительном межглазничном пространстве (табл. XXIX); эпикантус плохо различим, но возможно имелся.

Голова женщины несравненно лучшей сохранности, чем мужская. Никаких повреждений, нанесённых при жизни, не отмечено. Все волосы тщательно обриты, вероятно в связи с обычаем посмертной трепанации черепа для извлечения мозга. Трепанация сделана в левой теменной кости. После того, как на месте трепанации кожа была разрезана и раздвинута, грубыми орудиями, долотом и молотком был выбит кусок кости неправильной формы, размером 40×55 мм. По краям проделанного отверстия во всех направлениях в кости множество трещин. После удаления мозга и заполнения черепной коробки ещё неисследованным материалом, выбитая костная пластинка вставлена на прежнее место и кожа затянута кручёным чёрным конским волосом.

Перелом левого угла нижней челюсти женщины, хорошо различимый на рентгеновском снимке, произведён, повидимому, ударом грабителя при отделении головы от тела. Г.М. Иващенко отмечено, что на верхней и нижней челюстях женщины ярко выражена атрофия костного края альвеолярного отростка, с обнажением шейки и корней зубов. Это особенно ярко выражено в области фронтальных зубов нижней челюсти, где зубы значительно смещены по вертикали (зашли одни за другие). Эти факты позволяют заключить, что при жизни эта женщина страдала альвеолярной пиорреей.

Тип женщины существенно отличается от мужского. Головной её указатель значительно ниже, около 80. Лицо более узкое и длинное, хорошо профилированное. Скуловые кости выступают незначительно, при сравнительно небольшом скуловом диаметре (134 мм). Спинка носа выступает достаточно резко. Эпикантус не различим. Волосы на голове, хотя и обриты, но коса сохранилась. Волосы её чёрные, но не жёсткие, типичные для монголоидов, а сравнительно мягкие, волнистые. Они не были заплетены, а спирально закручены в две косы, перевиты ремешками и частично заключены в кружевной накосник. Поскольку в косы, повидимому, были вплетены ценные украшения, грабители разрубили их на части для снятия последних.

Естественным является вопрос, кто же погребён в данном кургане? Убитый ли в сражении или поединке племенной вождь, а с ним одна из его наложниц, предварительно задушенная, как это, по Геродоту, было в обы-

чае, например, у царских скифов, или — знатная женщина со своим прислужником? Первое более вероятно, хотя до полного исследования кургана решать этот вопрос преждевременно.

Пока мы имеем одежду, туалетные принадлежности и целый ряд других вещей, преимущественно женских. Не найдено ещё одежд мужских, по которым можно было бы судить о социальном положении их владельца, не исследовано и тело мужчины.

Что касается женщины, то она, несомненно, принадлежала к высшему слою данного общества. Об этом свидетельствуют и её холёные руки, не знавшие тяжёлой работы, и изысканные и богатые принадлежности одежды.

Общие выводы.

Уже из предварительного обзора материалов, добытых при раскопках Пазырыкского кургана II, ясно его огромное историко-культурное значение по богатству и редкой полноте содержащихся в нём документов.

Прежде всего заслуживает внимания явно монголоидный тип мужчины, в то время как до сих пор представление о физическом типе населения Алтая в рассматриваемую эпоху связывалось с типом преимущественно европеоидным.

Весьма важно, что обычай мумификации тел умерших, в своё время отмеченный Геродотом у скифов и открытый в аналогичном погребении на Алтае в 1927 г., получил своё подтверждение. Обычай этот, бесспорно, был связан со сложным погребальным ритуалом, требующим длительного подготовительного периода, и необходимостью предохранить на это время тело от разложения. Обычай этот практиковался только в отношении верхнего слоя общества, родовой знати. В обычных рядовых погребениях трепанированные черепа крайне редки.

Структура кургана, устройство погребальной камеры, колода-саркофаг в основном мало отличаются от известных по ранее раскопанным подобным же алтайским курганам, что указывает на установившуюся и детально разработанную систему захоронения в этих домах мёртвых, в какой-то мере подобных домам живых.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что это, в основном, скотоводческое население, скотоводческое уже по условиям окружающей его физикогеографической среды и по стадии культурного развития, имело уже прочную осёдлость, умело хорошо строить прочные бревенчатые дома. В состав их стад входили прежде всего лошади, затем овцы, наконец, крупный рогатый скот, в том числе як. Скотоводческое хозяйство требовало известной подвижности, поэтому у них должны были быть отдельные зимники и летники, а возможно осенники и весенники.

При табунном, в основном, хозяйстве, с круглогодичным пребыванием скота на подножном корму, чему не препятствовала физико-географическая обстановка, часть скота содержалась в стойлах. Так это было установлено

для лошадей из кургана I В.О. Виттом, так оно должно было быть и для тех тонкорунных овец, шерсть — точнее пух — которых использовался для изготовления тонкого фетра и шерстяных тканей.

Судя по многочисленным и нередко вполне реалистическим изображениям петухов, несомненно, разводились куры, но мы не знаем, имели ли они какое-либо хозяйственное значение или их держали только из-за петухов, своим криком во мраке отгоняющих злых духов.

Животная пища, мясо и молочные продукты были основой питания. Это следует из остатков мяса, которое клалось в могилу с умершими, и запасов сыра.

К сезонным перекочовкам был приспособлен домашний скраб: столики со съёмными крышками, подвесные сосуды, всевозможные сумы.

Хозяйственная утварь, в основном типичная кочевническая, в известной мере общескифского облика: сосуды со сферическим дном, кошеле и сумы из кожи и меха. К тому же, тяжёлые глиняные сосуды свидетельствуют об известной осёдлости. Пазырыкские глиняные кувшины оригинальной и изящной формы в своём распространении ограничивались, повидимому, территорией собственно Алтая.

Одежда, особенно мужская, нам ещё недостаточно известна. Из головных уборов мы знаем пока только островерхие войлочные шапки, подобные шапкам на головах саков в барельефах Персеполя, или головные повязки, типа диадем, которые носились, повидимому, и мужчинами и женщинами. Верхней одеждой обоих полов, по крайней мере у знати, были широкие меховые плащи с длинными декоративными рукавами типа древне-персидских кандис, длинные и короткие, последние со специальным нагрудником. Кожаная обувь мягкая, короткая, без подметок, короткие войлочные, фетровые, чулки. В погребениях знатных лиц, таких, как наше или Катандинское, одежда, разумеется, — богатая, дорогая, потребовавшая огромной затраты труда и времени на её изготовление. В качестве материала использовались меха соболя, выдры, белки, леопарда, жеребка и другие.

Из туалетных принадлежностей, кроме гребня, особо должно быть отмечено уникальное серебряное зеркало, типа, впервые найденного на Алтае.

Техника обработки различных материалов стояла очень высоко. Только глиняные кувшины изготавливались без гончарного круга и обжигались прямо на костре.

Обработка дерева была совершенна. Помимо отличной разделки брёвен и плах, несмотря на отсутствие пилы, и тщательную пригонку их в строительном деле, из цельного дерева выделывались и изящные мелкие сосуды и совершенной формы саркофаги-колоды. Был известен токарный станок, а техника художественной резьбы по дереву была превосходна.

Столь же совершенна и техника резьбы по рогу.

Особо высоко стояла техника выделки кож и меха. Кожа по сортам ещё не изучена, но и сейчас уже можно сказать, что выделывалась и мягкая замша, и тонкие и толстые дублёные кожи различных сортов и качеств.

Замечательно, что толстая кожа, наравне с деревом и рогом, служила материалом для художественной резьбы. Меха выделывались преимущественно из шкур диких животных и лошадей.

Шкуры домашних животных шли, главным образом, на выделку кож, а овечья шерсть на выделку войлока, фетра и тканей. Толстый войлок встречается и чёрный, и белый, тонкий же фетр — только белый или окрашенный в различные яркие цвета, скатанный из овечьего пуха, руна несъема тонкорунных овец.

Для шитья иногда применялся конский волос. Редко шили и шерстяными нитками, главным образом — фетровые аппликации. Исключительно широко для шитья пользовались нитками сухожильными. Такими нитками шилась и одежда, и обувь; ими нашивались все кожаные узорные аппликации, ими же сшивались и шерстяные ткани. Насколько тонки были сухожильные нитки и соответственно им иглы, можно судить по тому, что при расшивке меховой одежды и нашивке кожаных узорных аппликации на один сантиметр шва в среднем приходится 15-16 стежков.

Тканей было немного, и они, видимо, очень ценились. Тем не менее, теперь мы знаем уже не менее семи сортов различных тканей, среди которых только одна — из растительных волокон (кендыр), все же остальные — из очень тонкой шерсти. Поражает разнообразие тканей: тип полотна, саржи или диагонали, бархата или ковра, псевдо-гобелена, наконец, плетёные кружева двух сортов. Ткани — одноцветные и многоцветные. Всё это свидетельствует о наличии весьма высокой техники местного ткацкого производства и плетения из местного сырья.

Ткани и фетр окрашивались. Кроме минеральных красок, жёлтой и красной охры, им была известна киноварь, краситель типа индиго, пурпурин и ализарин.

Не менее высоко стояла и техника обработки металлов. Литые удила только бронзовые; удила железные и нож с золотой насечкой — кованые. Очень много пластинчатых, медных, штампованных изделий, преимущественно художественных. Особенно совершенна техника отливки вещей серебряных, с последующей их чеканкой, и ювелирных золотых, с перегородчатой эмалью. Очень тонко плющилось золото и, особенно, олово, шедшие на различные украшения.

Стеклянных бус и бисера мало, их, возможно, делать не умели и получали извне. Но этот редкий и, вероятно, дорогой материал нашел свои оригинальные заменители: естественные кристаллы пирита, вместо бус, и обмотка сухожильных нитей узкими пластинками олова — вместо бисера.

На очень высоком уровне стояло и весьма ценилось искусство.

Нами впервые найдены музыкальные инструменты, ударный и струнные типа лютни, и притом, повидимому, — многострунные, что указывает на относительно высокую степень развития музыкальной культуры данного племени. Искусство изобразительное в данном памятнике представлено в таких разнообразных видах и формах его проявления, как ни в одном из ранее исследованных курганов.

Особый звериный стиль, присущий скифскому искусству, получил широкую известность. Не менее ярко выражен и скифо-сибирский звериный стиль, каким мы его знаем по знаменитому Эрмитажному собранию «сибирского золота» и по раскопкам алтайских курганов. Установилось мнение, будто бы стиль этот выработался в резьбе по рогу и отчасти по дереву. Раскопка Пазырыкского кургана I показала преимущественную перед рогом роль дерева в выработке этого стиля.

Вырезанные из кожи силуэтные изображения и войлочные (фетровые) аппликации показывают, что стиль этот может жить и развиваться независимо от характера материала. Раскопки последнего кургана показали, сколь широко могла применяться резьба и по коже. Кроме того, они дали нам массу замечательных образцов кожаных узорчатых аппликации по замше.

Наконец, исключительное преобладание звериных мотивов, донныне известных не только в искусстве скифов европейских, но и азиатских, привело к тому, что понятие «звериный стиль» и скифское искусство стали синонимами.

Раскопки Пазырыкского кургана II показали, что это не совсем правильно. Теперь мы знаем, что наряду с вещами, украшенными в особом «зверином стиле», бытовали и более реалистические воспроизведения животных и вещи, орнаментальные мотивы которых — растительного происхождения или геометрические. Растительные мотивы орнаментации встречаются преимущественно на сумках, кошелях, одежде и обуви, в бордюрных войлочных и кожаных аппликациях, на инструментах, а геометрические, главным образом, в тканях. К этому следует добавить, что подбор вещей, на которых встречаются растительные и геометрические мотивы украшений, многочисленный и разнообразный.

Раскопки данного кургана ещё раз подтвердили, что на Алтае в скифскую эпоху мы имеем культуру и достаточно самобытную, хотя и являющуюся только частью многообразной скифской культуры, и очень богатую. Культура эта, между тем, не была замкнута в самой себе, а была взаимно связана с другими передовыми культурами того времени и, в первую очередь, — Передней Азии.

Воздерживаясь пока от более определённой датировки больших курганов с каменной наброской на Алтае, полагаю, что они, в частности Пазырыкская группа, относятся к V-IV вв. до н.э., ко времени господства Ахеменидов в Персии. В них нет ничего, что свидетельствовало бы о культурных связях с Китаем или Грецией времени великой империи Александра. Напротив, культурные связи с ахеменидской Персией неоспоримы, а более ранние переднеазиатские — более чем вероятны.

Известно, что в 612 г. до н.э. скифы, если не алтайские, то проживавшие к югу от них саки, вместе с мидянами и вавилонянами, участвовали в походе на Ниневию, а в 610 г. вместе с вавилонянами двинулись на Харрар. [62] Проникновение с востока в Переднюю Азию кочевых племён было, повидимому, и позднее явлением не редким, о чем свидетельствует накширустемская надпись Дария I, где троекратно упоминаются скифы-саки.

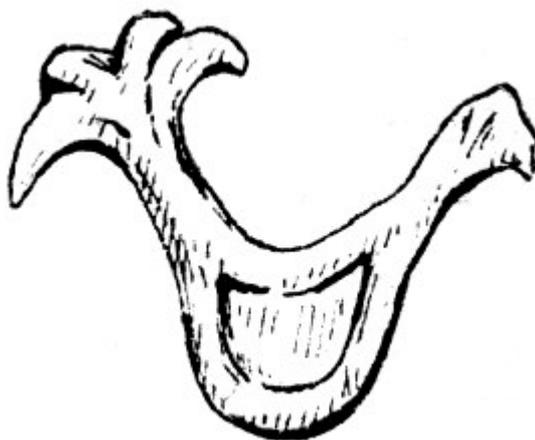
При Дарии, а возможно и раньше, персам удалось подчинить часть восточных скифо-сакских племён. По Геродоту, саки входили в состав XV сатрапии и были обложены данью. С другой стороны, в VI и V вв. скифы входили в состав персидского войска и неоднократно принимали участие в их походах на запад.

Многие предметы, открытые при раскопках в Закавказье на Кармир-блуре, как это отмечает Б.Б. Пиотровский, [63] отражают связи со скифским искусством, но много южнее — в районе Кархемиша, Персеполе и даже в Египте — встречаются явно скифские мотивы свернувшегося в кольцо зверя. [64] В данном случае нас более интересуют переднеазиатские элементы в культуре алтайских скифов, и они, несомненно, налицо и в первую очередь проявляются в мотивах искусства. К последним прежде всего относятся такие фантастические звери, как грифоны, в частности чисто персидские рогатые львиные грифоны. Далее — борющиеся звери в той древней месопотамской геральдической композиции, которая ещё в конце VII в. и в начале VI в. проникла к причерноморским скифам и представлена у нас прекрасными образцами. Наконец, мотивы лотоса и пальметки в деталях воспроизводят хорошо известные переднеазиатские образцы и в дальнейшем самостоятельно разрабатываются.

Особого внимания заслуживает специальный приём условного воспроизведения форм тела и мускулатуры животных «точками», «запятыми» и «полуподковками», хорошо известными по кафельным фризам Суз.

Но не только в искусстве, предметах домашнего обихода, в низких столиках на львиных или точёных ножках, в покрое одежды, в ювелирных изделиях мы находим много общего между народами, казалось бы столь удалёнными географически друг от друга. Проникновение на Алтай субтропического культурного эфирно-маслянистого растения кориандра, использование для одежды и других изделий шкуры леопарда или гепарда — результат тех же культурных связей с югом.

Таким образом, вскрываемая нам древняя культура Алтая скифского времени, яркая и полнокровная, не была изолированной, а жила общей жизнью с родственным ей общескифским культурным миром, во взаимосвязи с передовыми странами того времени и, в первую очередь, с Передней Азией.

Фигурка тетерева.

Примечания.

- [1] С.И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии, №6, 1944, 275.
- [2] С. Р[уденко]. Скифское погребение Восточного Алтая. Сообщения Гос. Академии ист. матер. культ., №2, 1931.
- [3] M.P. Gрязнов and E.A. Golomstok. The Pazirik burial of Altai. Amer. Jour. of Archaeology, vol. 37, №1, 1933, рис. 4.
- [4] Там же [M.P. Gрязнов and E.A. Golomstok. The Pazirik burial of Altai. AJA, vol. 37, №1, 1933.], рис. 10 и 11.
- [5] Там же, рис. 11.
- [6] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, Н. 1884, рис. 249. E.E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, 1941, табл. 63. — M. Dieulafoy. L'acropole de Suse, Par. 3. 1891, рис. 173, табл. 8. — Отчёт археологической комиссии, 1865, табл. 5, рис. 2.
- [7] Изображения катандинских оленей см.: A. Zakharov. Antiquities of Katanda (Altai). The Jour. of the Roy. Anthropological Inst. of Great Britain and Ireland, vol. 55, 1925, табл. 12; берельские орлы. — Он же. Materials on the Archaeology of Siberia. Eurasia septentrionalis Antiqua, vol. III, 1928, стр. 137, рис. 16 и 17.
- [8] M.P. Gрязнов, ук.соч., 1933, рис. 1.
- [9] Ср. известное изображение скифской осёдланной лошади на Чертомлыцкой вазе: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, II. 1889, рис. 114; и персидской лошади: Herzfeld, ук.соч., 1941, табл. 77.
- [10] Perrot et Chipiez, ук.соч. рис. 263.
- [11] С. Р[уденко], ук.соч., 1931, стр. 28.
- [12] Там же, стр. 28.
- [13] См. золотые пластины налучья и с ножен меча из Чертомлыцкого кургана и золотую пластину с ножен меча из Куль-Оба: И. Толстой и Н. Кондаков, ук.соч., рис. 121, 123 и 125.
- [14] Там же, рис. 116, грифон на серебряной вазе из Чертомлыцкого кургана.
- [15] V.M. Dalton. The Treasure of the Oxus, 1905, №28, табл. II.
- [16] С.Р[уденко], ук.соч., стр. 29.
- [17] Там же, стр. 30.
- [18] Там же, стр. 27.
- [19] Там же, стр. 27 и 30.
- [20] В каталоге собрания древностей А.С. Уварова (1887) эта пластина упомянута среди вещей из алтайских курганов, её изображение см. вып. 1, 1887, табл. 1, №31.
- [21] Ср. столики на барельефах из Хорсабада: Perrot et Chipiez, ук. соч., рис. 24 и 28. Особенно много их на барельефах Персеполя, там, где Артаксеркс I изображён на троне или даёт аудиенцию, на троне Саргона, в процессии данников (Herzfeld ук. соч., рис. 364 и 365, табл. 18, 67 и 77). См. также детали гробницы ахеменидских царей в некрополе Тахте-Джемшид и барельеф Анидона со ста колоннами, M. Dieulafoy, L'AntiquedelaPerse. 1885. Pt. 3 табл. 4 и 19.
- [22] См. фигуру льва из дворца Ашур-

- насирпала (Нимруд) и позднее фигуру раненых льва и львицы из дворца Ашурбанипала (Куюнджик): PerrotetChipiez, ук. соч., табл. 8, рис. 269 и 270.
- [23] Барельефы Персеполя, см.: Herzfeld, ук. соч., рис. 261, табл. 62 и 83.
- [24] См. известные Майкопские серебряные чаши и золотую из Новочеркасского клада: Я.И. Смирнов. Восточное серебро, 1909. табл. 1, рис. 1-12, табл. 3, рис. 9-11.
- [25] М.И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. Матер. по археол. России, №34, 1914, табл. 1.
- [26] Perrot et Chipiez, ук. соч., рис. 24 — Herzfeld, ук. соч., табл. 78.
- [27] Dieulafoy, ук. соч., 1885, Pl. 3, рис. 78 лотос египетский, рис. 81 и 82 — ассирийский.
- [28] PerrotetChipiez, ук. соч., рис. 8, 81, 90, 135 и сл.
- [29] Herzfeld, ук. соч., табл. 64. — Dieulafoy, ук. соч., Pt. 3, табл. 10, рис. 2.
- [30] Е. Придик. Мельгуновский клад. Матер. по археол. России. №31, 1911; рис. 14. — J. De Morgan. Délégation en Perse, т. 8, Recherches archéologiques. 3-mesérie, 1902. — Dalton, ук. соч., 1905, №118, табл. 17.
- [31] Кроме гробниц XII династии, кориандр найден в гробницах XXII династии и времени греко-римского периода. Schweinfurth. Neue Beiträge zur Flora des alten Aegypten. Berichte Deutsch. Bot. Ges., 1883, Bd. I.
- [32] Гиппократ упоминает о кориандре среди диетических, слабительных, отхаркивающих и обволакивающих средств, а также применяющихся при женских болезнях. Позже о лекарственных свойствах кориандра упоминается в персидской фармакопее II в. н.э.
- [33] B. Laufer. Chinese contribution to the history of civilisation in ancient Iran. Field Museum of Natural Historié. Anthropol. Series, 1919, 15, №3.
- [34] Деревянная фигурка гуся см.: A. Zakharov. Ancient wood and work from Altai. The Antiquaries Journal, vol. 6, 1926, стр. 413, рис. 7. — Бронзовые фигурки из Сибири: Отчёт Археол. Комиссии, 1892, стр. 72, рис. 41; A.M. Tallgren, Collection Tovostine, 1917, табл. 9, рис. 11. — уточки из Амударьинского клада: Dalton, ук. соч., 1905, табл. 12, №47.
- [35] Е.С. Видонова. Катандинский халат. Сборник статей по археологии СССР. Исторический музей, 1938, вып. 8.
- [36] О кандис см.: Dalton, ук. соч., 1905, стр. 51 и 52.
- [37] Griaznov, ук. соч., рис. 9.
- [38] Dieulafoy, ук. соч., 1885, Pt. 3, табл. 14, барельеф из дворца Ашурбанипала — охота на львов. — Layard, NinivehanditsRemains, Vol. 2, 1849: дворец Нимруда — воины, охотящиеся на львов.
- [39] Dalton, ук. соч., 1905, №28, табл. II.
- [40] Там же, №10, табл. 5.
- [41] Смирнов, ук. соч., табл. 35, рис. 64.
- [42] Скифская обувь на воронежском серебряном сосуде: Ростовцев, ук. соч., табл. 4; на электронных сосудах из Куль-Оба: Толстой и Кондаков, ук. соч., рис. 119; персидская обувь на барельефах Персеполя: Herzfeld, ук. соч., табл. 71 и 75; из Суз: Dieulafoy, ук. соч., 1891, Pt. 3, табл. 5 и 6.

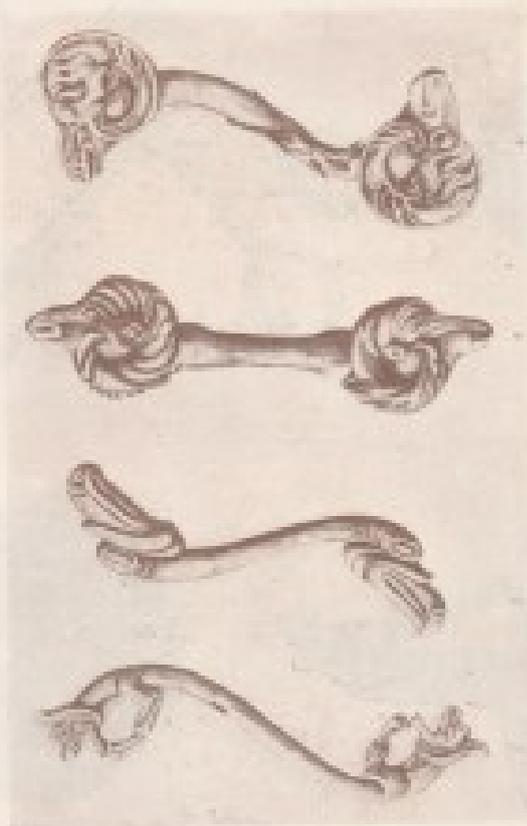
- [43] К.В. Тревер обратила моё внимание на совместное нахождение в суме вилки и зеркала и на особую роль в свадебных обрядах народов Востока иглы и стрелы как орудий колющих, отвращающих злых духов: «жених даёт невесте в правую руку иглу дикобраза, в левую — зеркало» (К.В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. 1940, стр. 77).
- [44] Perrot et Chipiez, ук. соч., рис. 249, 123 и 124, табл. 13. — DeLinat. Origines de l'orfèvrerie cloisonnée, 1877, табл. 3, рис. 1, 2, 3. — Dieulafoy, ук. соч., 1893, Pt. 3, табл. 3 — 11 и 13.
- [45] L. Heuzey. Découvertes en Chaldée par Ernest de Sazac. 1884-1912, табл. 44, рис. 3а и 3в.
- [46] DeMorgan, ук. соч.
- [47] Dalton, ук. соч., 1905, стр. 24-33.
- [48] Сведения о них «Музыкальная культура древнего мира» под редакцией Р.И. Грубера, 1937, стр. 46-67; изображение лютни стр. 60, рис. 6.
- [49] Perrot et Chipiez, ук. соч., рис. 205.
- [50] Griaznov, ук. соч., рис. 14.
- [51] Придик, ук. соч.
- [52] Для примера можно указать на хеттский цилиндр второго тысячелетия до н.э., где мы имеем с приподнятыми лапами борющихся львов и сфинксов W.H. Ward. Cylinders and other ancient oriental seals. 1920.
- [53] Zakharov, ук. соч., 1928, рис. 15 и 17.
- [54] Dalton, ук. соч., 1905, №23, рис. 50.
- [55] Толстой и Кондаков, ук. соч., 1890, вып. 3, рис. 152 и 153.
- [56] Там же, рис. 39.
- [57] Толстой и Кондаков, ук. соч., вып. 2, рис. 107. — А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 2, 1894, табл. 21.
- [58] Griaznov, ук. соч., 1933, рис. 10. — Dalton, ук. соч., 1905, рис. 3.
- [59] Р[уденко], ук. соч., 1931, стр. 27.
- [60] И.И. Мещанинов. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников. Сообщение ГАИМК, 1932, №1-2.
- [61] Просушка выполнена в Лаборатории нагрева диэлектриков института токов высокой чистоты В.П. Вологодина. Облучение производилось начальником Лаборатории Н.Л. Брицыным в присутствии ст. научн. сотрудника ИИМК В.А. Петрова.
- [62] Подробнее см.: Б.Б. Пиотровский. История и культура Урарту. 1944, глава «Скифы в Передней Азии».
- [63] Там же, стр. 323 и 324.
- [64] Herzfeld, ук. соч., 1941, стр. 265, рис. 367, табл. 84.

Таблицы.

ТАБАНЦА I

ТАБЛИЦА II

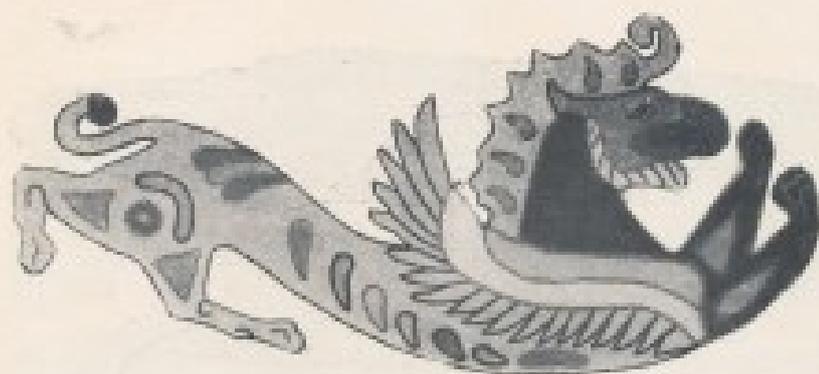
ТАВАЦА III

TABANJA IV

ТАБЛИЦА V

ΤΑΒΛΗΝΑ VI

TABLA VII

TABARJA VII

TARANQA II

2

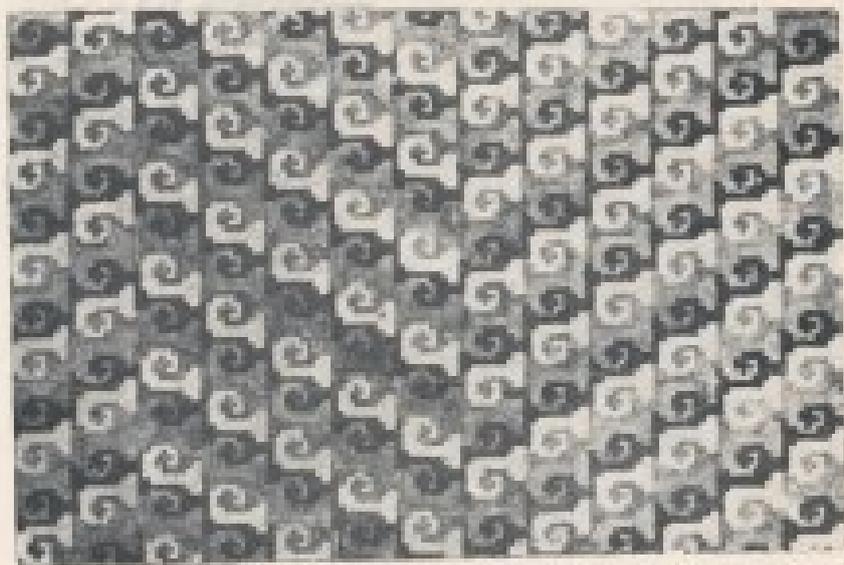
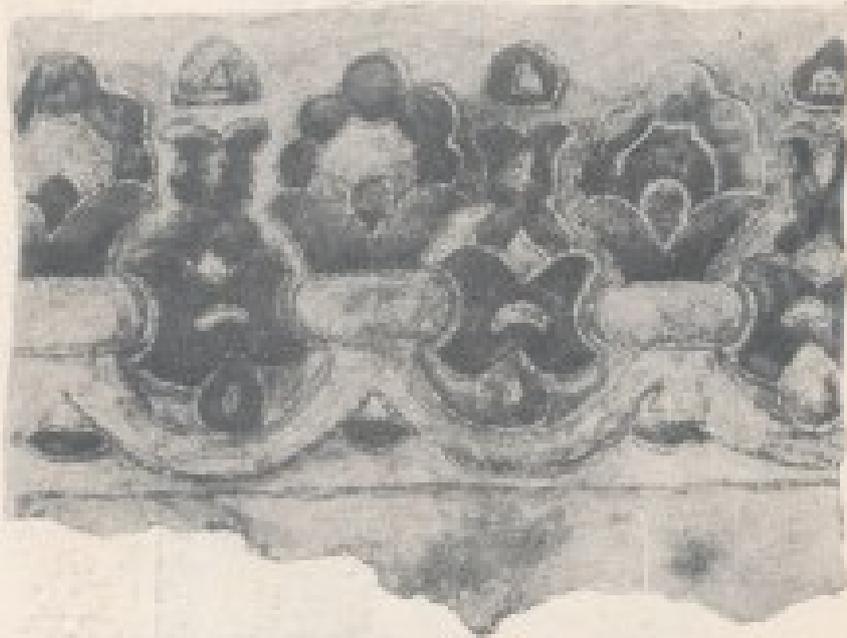
1

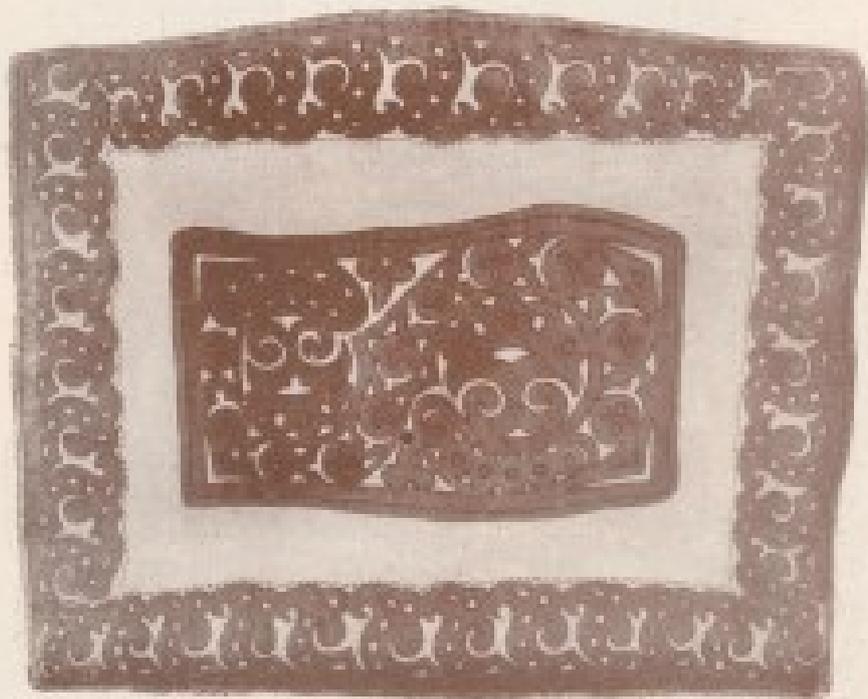

3

TABARJA XII

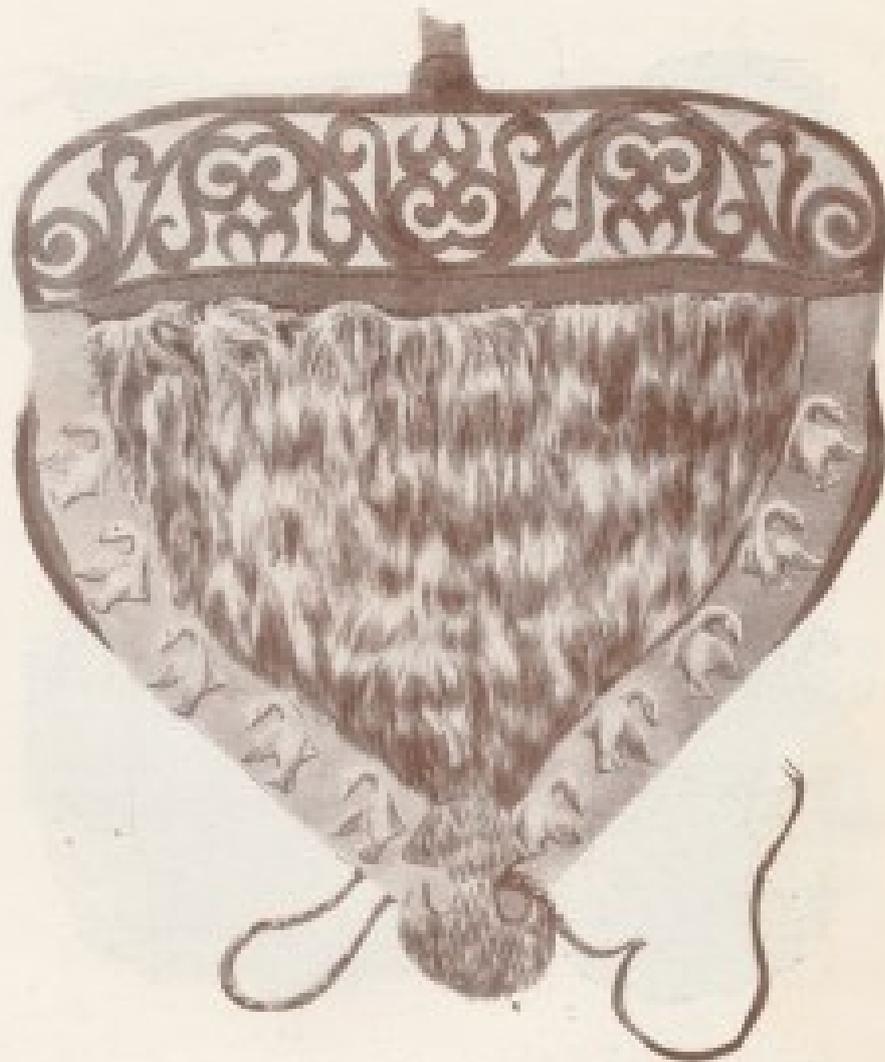
TABANJA XIV

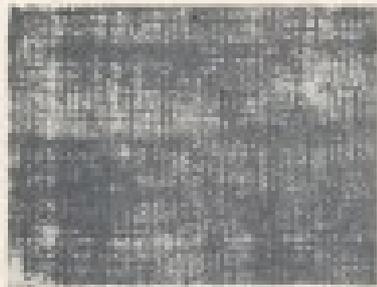
FABRICA IV

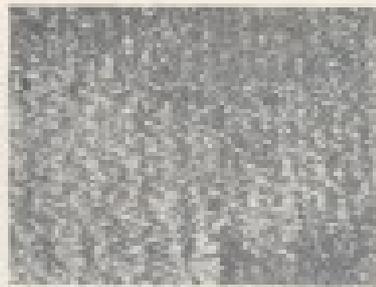
TARANJA XVI

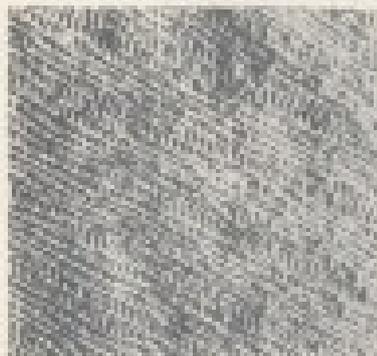
ТАБЕЛЦА XVII

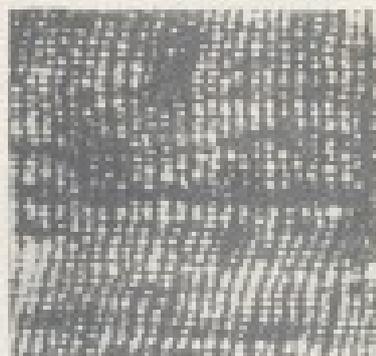
1

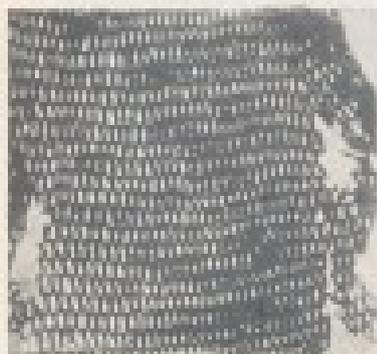
2

3

4

5

6

ТАБЛИЦА XVIII

ТАКАМҶА XIX

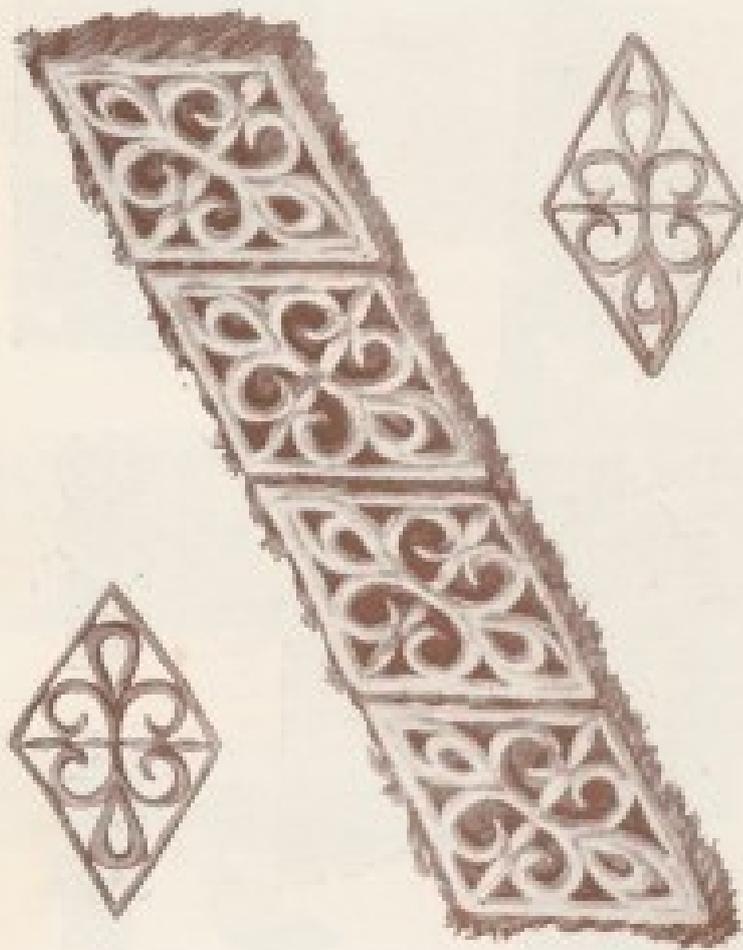
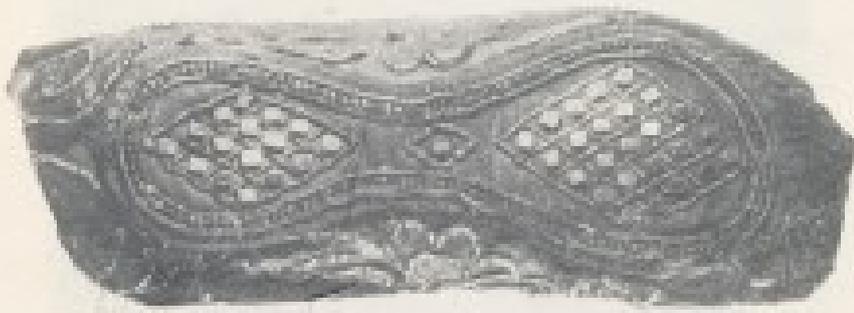

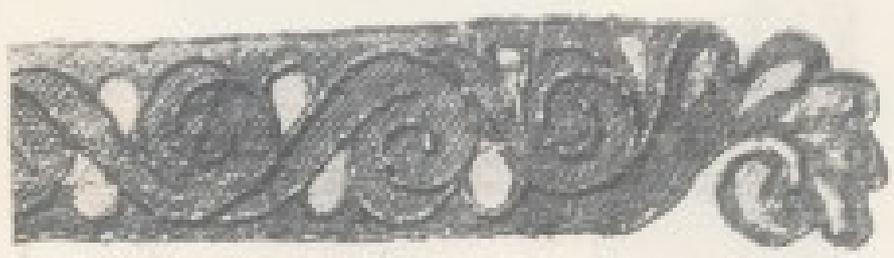
ТАБЛИЦА XX

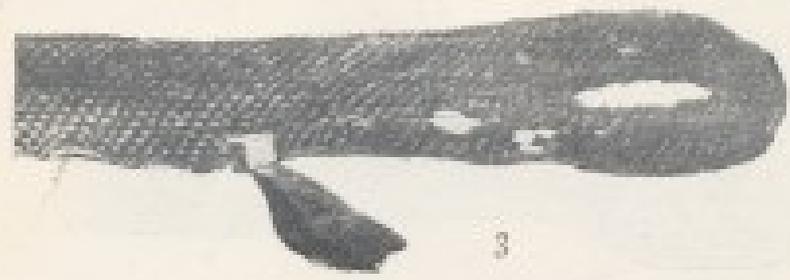
2

1

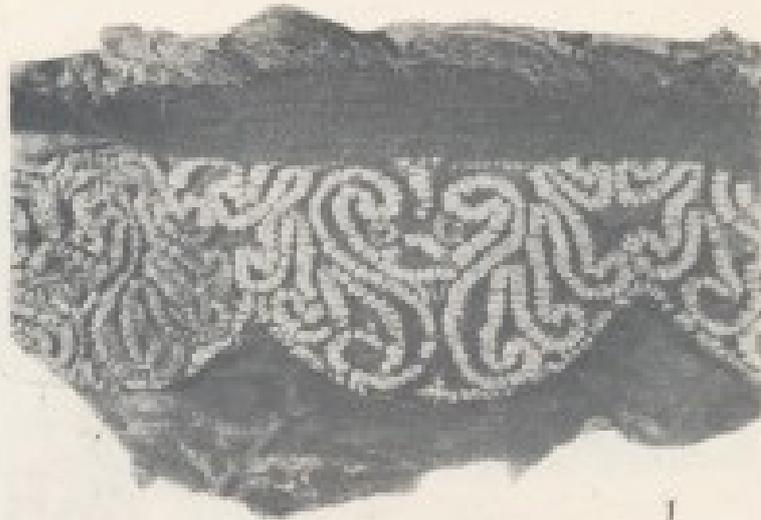

2

3

ТАБАНИЦА XXII

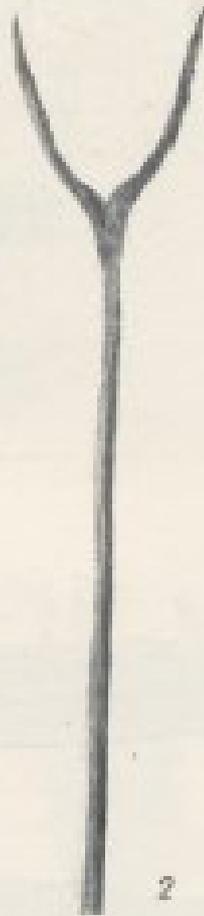

1

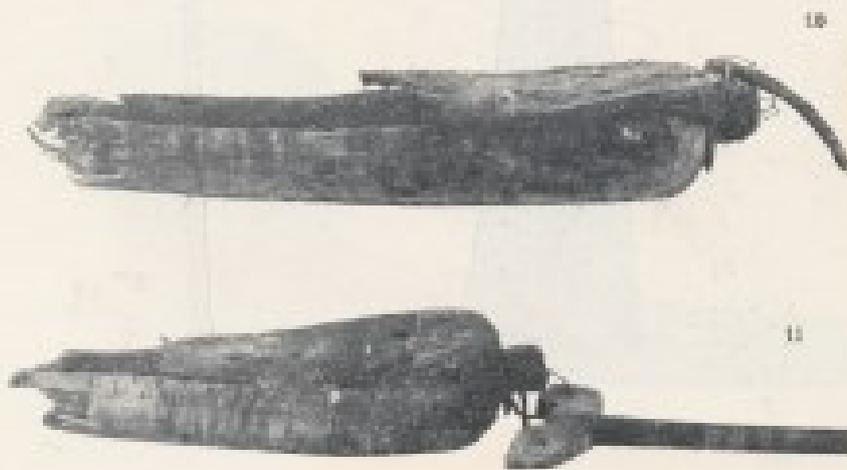
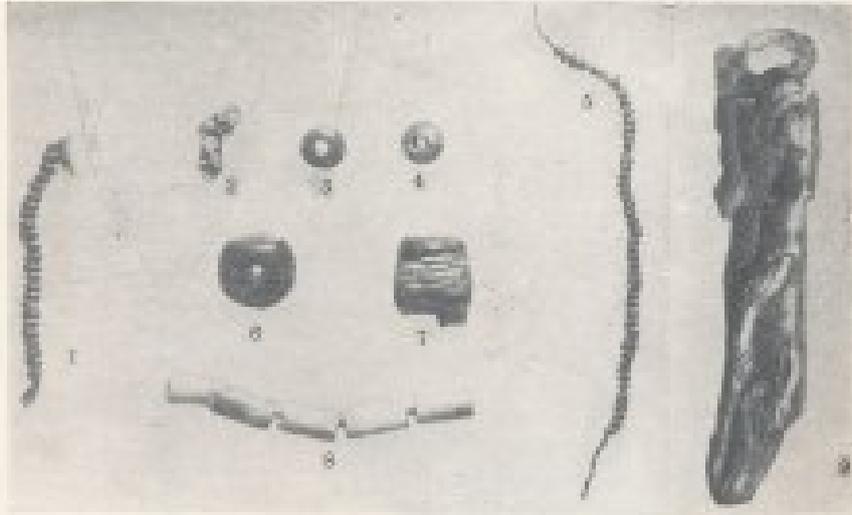

2

TARANDA XIII

TAKANJA XXIV

TABANQA XXIV

ТАБЛИЦА XXVII

1

2

3 a

3 b

TAKARİFA XXVIII

ТАБАНЦА КНИК

